

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ирина СЕРБЖИНСКАЯ

ТРОПОЮ ВОЛКА

Издательство АиФ-Книга

Тропою волка

Ирина Сербжинская

Тропою волка

2006

Сербжинская И.

Тропою волка / И. Сербжинская — 2006 — (Тропою волка)

Не всегда можно подготовиться к приключениям, чаще всего они застигают врасплох. Хорошо, если судьба предлагает выбор, но плохо, когда он небогат: виселица или вечное изгнание. Выбрал изгнание готовься: теперь каждое мгновение придется сражаться за собственную жизнь. Магические расы, зачарованное оружие, опасные враги, чужая земля, долгая дорога... Что ожидает за следующим поворотом: победа или поражение, жизнь или смерть? Через многое придется пройти, прежде чем стать тем, кто не знает ни жалости, ни страха смерти.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Сербжинская

Тропою волка

Глава первая

ГАДАЛКА РУМИТА

Если бы утром Румите сказали, что вечером того же дня ей придется бежать из родного города, опасаясь мести одного из самых известных людей Доршаты, она бы, скорее всего, решила, что кое-кто хватил лишку в кабаке у старины Фитча. Знатные люди мало интересовались судьбами гадалок, которые промышляли в грязных портовых кабаках. Уж они-то наверняка не будили по утрам двоюродного брата оплеухами – иначе брата, выпившего накануне больше обычного, ни за что не добудишься. Им вряд ли приходило в голову проводить вечер в кабаке, где за столами галдели матросы с кораблей, ожидавших в бухте попутного ветра. И уж конечно знатной даме никогда не доводилось сидеть у моряка на коленях, пылко его обнимать, стараясь в то же время незаметно определить, туго ли набит кошель у него в кармане.

Как бы то ни было, вечером Румите стало ясно: пора уносить ноги из города, и как можно быстрее. Человеку, чье имя в городе на слуху, достаточно пальцем шевельнуть – и глупую девку найдут завтра с перерезанным горлом где-нибудь возле гаваней.

Убийц, конечно, никогда не отыщут – уж об этом он позаботится...

Румита по привычке называла его про себя «человеком», хотя тот, от которого она спасалась, человеком не был.

Вначале вечер ничего особенного не предвещал: Румита отправилась в кабак старины Фитча. Кабатчик был человеком опытным: стоило посетителю появиться на пороге, в нерешительности оглядывая грязный зал с низким потолком и деревянными длинными столами – заходить или нет, а Фитч уже знал, сколько денег он принес с собой. Если сумма казалась ему приличной, он незаметно давал знать девушке, что можно приступать к делу.

Румита уже давно сидела в шумной компании моряков и портовых девиц. Она отхлебнула из кружки, не подав виду, что пьет не крепкое пиво, а воду, взглянула на моряка-джалала, которого приглядел Фитч, и ласково улыбнулась, прикрыв глаза длинными ресницами. Ей было скучно: работа предстояла привычная, хоть и хлопотная. Теперь нужно было клиента напоить, посулить ему золотые горы, прозрачно намекнуть на одинокую холодную постель, потом вывести на улицу. Там его с нетерпением поджидали братец с дружкой, ловко освободили от денег, иногда присовокупляя к этому две-три крепкие оплеухи, а утром, когда моряк просыпался в придорожной канаве, он почти ничего не помнил про вчерашний день. На мгновение Румита задумалась, что за зелье мешает в пиво старый Фитч, но тут же тряхнула кудрявой головой: нечего терять время! Моряк заказывал выпивку уже в шестой раз, девушка бросила быстрый взгляд в сторону: Мелфин, двоюродный братец, многозначительно прикрыл глаза и снова уткнулся в кружку. Он сидел в углу неподалеку от двери вместе со своим дружкой Бретеном: оба искусно делали вид, что пьяны в доску. Кабатчик, разливая за стойкой пиво по кружкам, еле заметно подмигнул девушке: напоминал, что с каждого клиента ему причитался небольшой доход. Старый Фитч закрыл кран бочки, вытер руки грязным полотенцем, подхватил несколько полных кружек и понес к столу. Одну из них, медную, с погнутой ручкой, он брякнул перед Румитой, которая болтала с моряком.

Пьяный джалал, уроженец южных берегов, судя по буйным кудрям и густому загару, брызгая слюной, втолковывал Румите то, что она знала и без него: пока на море третий день

бушует шторм, ни одно судно не рискнет покинуть бухту. Потому-то все кабаки в гавани который день полны матросами: все они дожидаются, когда наконец закончится непогода.

Румита ненастью была только рада: заработок сразу же пошел в гору. Накануне, когда около полудня ветер утих и небо стало проясняться, она даже расстроилась: корабли из гавани уйдут, моряков будет гораздо меньше, значит, и денег в ее кармане поубавится. Но к вечеру снова наполнили черные тучи, засвистал ветер, срывая с крыш черепицу, и на город обрушился ливень.

Румита улыбнулась и перевела взгляд на своего собеседника. Плотный, невысокий моряк-джелал с шапкой курчавых полуседых волос выпил уже прилично. Пора было пригласить его прогуляться, и тянуть с приглашением не стоило: старина Фитч незаметно для остальных дал знак, что последняя кружка пива для гостя была с сюрпризом. Хорошего мало, если хвативший сонного зелья моряк захрапит прямо в кабаке!

Только Румита подумала об этом, как моряк сграбастал ее с лавки, плюхнул себе на колени и смачно поцеловал. Девушка брезгливо пихнула ладошкой в небритую физиономию с мутными глазами и тут же поспешно улыбнулась, чтобы моряк, чего доброго, не обиделся. Но джалал, похоже, был не из обидчивых.

– Что это у тебя, красотка? – Он засунул лапу ей за корсаж. – Деньги? Точно, денежки! А?!

Румита ловко выхватила из рук моряка черный бархатный мешочек.

– Какие деньги! Кости это! Гадальные кости, понятно?

Гаданием она промышляла редко: дело было хлопотное, а платили за него мало. Пару раз, по глупости, когда только осваивала ремесло гадалки, Румита сболтнула клиентам правду, ту, что открывали ей кости, и оба раза люди были весьма недовольны. Торговец птицей плюнул себе под ноги и ушел, не заплатив, а женщина, которой она сообщила, что ее супруг давно приглядел себе молоденькую подружку, вместо благодарности чуть не выцарапала гадалке глаза. После этого Румита наловчилась привирать: она так хорошо угадывала, что именно от нее хотят услышать, что недовольных сразу же поубавилось.

По-настоящему гадала только себе самой, хотя прекрасно знала, что гадалкам кости правды не говорят. По крайней мере, ей, Румите, кости предсказывали самые странные вещи, которые произойти с девушкой из бедных кварталов Доршаты никак не могут.

Заниматься же гаданием сейчас, когда моряк уже почти готов к тому, чтобы вылезти наконец из-за стола и пройтись до дома красотки, ей совсем не хотелось. Она и мешочек-то с костями захватила лишь для того, чтобы по пути из кабака забежать к подружке: та ждала ребенка и хотела знать, кто у нее родится: мальчик или девочка.

Но раз клиент требует....

– Хочешь, расскажу о твоей жизни? – весело спросила она, перекатывая в бархатном мешочке гадальные кости.

Моряк фыркнул в кружку с пивом – брызги долетели до Румиты. Она незаметно вытерла лицо уголком красного платка, повязанного на шее.

– Лучше о будущем. – Моряк утер губы рукой. – Нагадай мне постель с кудрявой красавицей! – Он погладил девушку по пышным волосам.

Румита быстро глянула на Мелфина, братец незаметно кивнул, хотя вид у него был недовольный. Она выругалась про себя, но тут же улыбнулась, блеснув зубами, развязала шнурок мешочка и привычным движением выбросила на некрашенные доски стола кости – девять белых кубиков с красными точками. Дождалась, пока они прокатятся по столу и остановятся, и замерла, словно не веря своим глазам. Старый Фитч глянул на кости и скептически скривил губы:

– Да ты счастливчик, парень! Редко бывает, чтоб вот так повезло! Ждет, ждет тебя постель с кудрявой красоткой!

Румита поколебалась, потом твердо напомнила себе, что деньги на полу не валяются, и обвила рукой пьяного матроса, стараясь не обращать внимания на запах немытого тела.

– Ну, и золото, само собой, тоже ждет, и много еще чего... Кстати... а деньги-то у тебя есть? Без денег любое гадание – пустой пшик. Не сбудется, милый.

Матрос хлопнул по нагрудному карману куртки из грубой потертой кожи, потом со всего размаха – по спине Румиты, так что она едва не прикусила язык.

– Есть! Гадай дальше, сладкая!

Мелфин понимающе прищурился, отхлебнул воды из пивной кружки, обменялся с Бретенем негромкими словами и чуть приметно кивнул Румите: пора было вытаскивать клиента на улицу.

Девушка стиснула зубы – моряк слишком уж настойчиво теребил ленты корсажа – и взъерошила грязные нестриженные волосы на его макушке.

– Красавица тебя заждалась, – промурлыкала она ласково и многообещающе. – Не пора ли?

Но проклятый моряк заартачился. Ему во что бы то ни стало хотелось узнать, будет ли его плавание удачным и когда наконец стихнет этот шторм? Фитч за стойкой сделал большие глаза и указал Румите взглядом на дверь, напоминая, чтобы поторапливалась: язык у моряка уже порядком заплетался, видно, начинало действовать зелье, которое кабатчик плеснул в пиво.

Румита прищурила глаза, ласково улыbnулась и провела рукой по груди джалала, пытаясь незаметно определить, толстый ли кошель у него в кармане. Добычу придется делить на троих: ей, братцу и Бретену. И еще Фитчу – небольшую долю... Нашупав кошель, Румита повеселела и заторопилась:

– Будет, будет удачным твое плавание! Не сомневайся! А шторм скоро стихнет. К обеду, пожалуй. Не веришь? А почему? Гадалкам верить надо... мы не соврем. Небо завтра будет голубое и тихое, ни облачка.

– Самое главное-то забыл... – Моряк снова хлопнул ее по спине. – Погадай, сколько я жить буду? – Дружки моряка одобрительно забубнили нестройными голосами. – Бросай кости еще раз!

Румита засмеялась, хотя больше всего ей хотелось хорошенько огреть упрямого моряка тяжелой кружкой по голове, потом покатила кости в ладошке, поболтала ногами в вязаных полосатых чулках. Братец в углу нахмурился: проклятый джалал!

– Нет, на жизнь опасно. – Она потрепала клиента по небритой щеке. – Боюсь, наворожу, а вдруг да сбудется?

Румита наклонилась к его уху и прошептала:

– Я тебе позже погадаю, а? Наедине. Хочешь? Все расскажу о твоей жизни!

Про себя она уже твердо решила, что если этот недоносок будет так настойчиво лезть к ней под юбку, то уж его-то судьбу она предскажет и без гадальных костей: в луже плавать и пузыри кровавые пускать.

– Всех-то вы, крысы портовые, боитесь, – пьяным голосом объявил вдруг мрачный бородатый моряк и выплеснул остатки пива себе под ноги. – Пугливы, как... – Он подумал, покрутил головой и сплюнул на пол.

Братец встал было, потоптался у двери и плюхнулся обратно на лавку.

Румита заметила его мрачный вид и заторопилась.

– Никого мы не боимся... Пойдем, милый, пойдем, я тебе дома погадаю, – настойчиво сказала она сквозь зубы. – Ну?

Тот согласно кивнул, но его бородатый дружок не унимался. Он тоже выпил больше, чем следует, но пиво не развеселило его, а, наоборот, сделало мрачным и раздражительным. Он сердито косился на тех, кто сидел за другими столами: и без гаданья понятно было, что сегодняшний вечер в кабаке старины Фитча опять закончится хорошей потасовкой.

– Не бойтесь... – буркнул он, стискивая пустую кружку. – Слышали мы, как вы тут живете. Противно... До смерти норлоков бойтесь! – Он в упор уставился на девушку пьяными глазами: – Скажешь, не так?

Румита замерла. Она бросила быстрый взгляд в угол, где сидел братец: тот насторожился, отодвинув кружку с водой, и наострил уши. Моряк, на чьих коленях она сидела, загоготал:

– А и точно! Мы тут уже сколько, а их еще и не видели! Надо было в город выбраться, поглядеть! Как думаешь, увидим? Румита сглотнула комок в горле и ответила почти весело:

– Доршата – свободный город. Здесь много кого увидеть можно. И с чего нам кого-то бояться? Норлоки в своих кварталах живут, а люди – в своих. Испокон веков так было... И что?

– Ничего, – проворчал другой матрос и сделал знак Фитчу, чтоб тот принес еще пива. – Слышали про них... разное. Рассказывают всякое... Мы ж частенько в Доршату заходим.

Он покрутил головой.

– Ух, чего только про них не говорят! Особенно про этого... как его? Сульг его зовут? Вот бы на кого ты, девка, гадала – долго ли жить ему? Бойтесь все...

Румита поняла, что шутки кончились. Ей стало наплевать на клиента, и она сердито глянула на брата: деньги, конечно, хорошо, да своя шкура дороже! Если хочет, может сам дальше с моряками толковать!

– А что? – напористо продолжал пьяным голосом моряк.

Фитч торопливо, вперевалку понесся к их столу с тяжелым подносом, плюхнул кружки на стол и поспешил убраться за стойку: чутье на неприятности его еще никогда не подводило. Моряк придвинул одну кружку к себе, но пить не спешил.

– Вы же люди, чего ж вы бойтесь всяких... тьфу... бросай-ка кости, узнаем, скоро ли он помрет, а вы – бояться перестанете? Что, неужели узнать никогда не хотелось?

– Не гадала, – сердито ответила Румита. – И не собираюсь!

Она собралась слезть с колен моряка (руки у нее чесались отвесить плюху волосатому уроду: столько времени было потрачено на него зря!), но рука ее внезапно дрогнула, словно кто-то невидимый толкнул под локоть, и гадальные кости вылетели из ладони. Мелфин и Бретен одновременно вскочили с лавки. Старина Фитч бросил грязное кухонное полотенце, которым вытирал посуду, и перегнулся через стойку, чтобы лучше видеть.

В это мгновение Румита поняла, кому сегодня придется плавать в луже с перерезанным горлом: скорее всего, ей самой, а не матросу, которого они так старательно накачивали пивом пополам с Фитчевым зельем.

– Семерка! – выдохнули братец с Бретенем. – Смерть!

Румита спрыгнула с колен моряка и кинулась к столу. Она быстро сгребла кости, пока до пьяных посетителей не дошло, что случилось, наступила впопыхах на чей-то сапог, заляпаный грязью, поскользнулась, едва не растянувшись, и взмахнула руками, пытаясь удержаться на ногах. Скользкие кости вылетели из потной ладони, и белые кубики снова завертелись на грязных досках стола, изрезанных непристойными словами. Братец, стоявший у входа, открыл рот.

– Семерка! – Старина Фитч исподлобья взглянул на Румиту. – Тебе, девка, жить надоело?

– Я ничего не делала! Это случайно! И вы все видели, это нечаянно!

Дураки-подельники – братец и Бретен – смотрели на нее такими глазами, что стало понятно: в живых они ее уже не держат.

Румита снова сгребла кости трясующимися руками, запихала в мешок, засунула его за пазуху и бросилась к Фитчу:

– Не говори никому, что было! Скажи, что не видел, коли придут!

– Уходи отсюда, – вполголоса проговорил старина Фитч, не глядя на нее. Румита видела, что ему сильно не по себе. – Давай, убирайся быстро из кабака! Я-то не скажу, другие скажут!

– Меня здесь не было, не было! – вдруг опомнился Бретен и мгновенно пропал за дверью.

– Исчезай, – посоветовал ей братец, оглянувшись на всякий случай. – И на улице не показывайся!

Румита выскочила в дверь и пропала. Мелфин вытер испарину со лба, переглянулся с кабатчиком и опустился на лавку. Матросы пьяно галдели за столом, позабыв и про гадалку, и про разговор, который только что вели. Мелфин посидел, подумал, разглядывая грязную столешницу, потом снова глянул на старину Фитча: оба нутром чуяли, что просто так все это не закончится. Фитч поджал губы, поскреб пятерней подбородок, заросший седой щетиной, и угрюмо уставился в окно. За мутными стеклами было уже совсем темно, бушевал ливень, и ветер с моря стучал полуоторванным ставнем. После этого случая Мелфин и Бретен двое суток не показывали и носа из своих нор. Лишь к вечеру третьего дня они выползли наконец наружу, поглядели друг на друга, потоптались в раздумьях и отправились навестить старину Фитча.

Кабатчик встретил друзей неприветливо. Он был хмур и неразговорчив: то ли из-за недавнего происшествия, то ли потому, что вчера вечером пьяные посетители устроили драку и проломили деревянную перегородку между общим залом и кладовой. Лохматый плотник, такой же сердитый и неприветливый, как Фитч, забивал дыру, держа гвозди во рту. Спотыкаясь о доски, пахнущие свежей сосной, приятели пробрались в свой угол и устроились за столом. Спустя пару минут старина Фитч поставил перед ними кувшин с пивом, брякнул на стол кружки и удалился, не вступая в разговоры.

Народу в кабаке, несмотря на вечерний час, было совсем немного, три полупьяных моряка возле окна: ветер вчера ненадолго утих и многие корабли сразу же покинули бухту, а местные жители кабак Фитча не жаловали и заглядывали к нему редко. В помещении стояла непривычная тишина, только плотник стучал молотком да возле черного входа хлопотал возница, приехавший забрать пустые бочки из-под пива.

– Кажись, повезло, – проговорил наконец Бретен, отвечая на свой собственный незаданный вопрос, и поскреб в голове. – А могло бы...

Мелфин кивнул. О том, что «могло бы», говорить не хотелось.

– А куда... – помолчав, начал было Бретен. Он хотел спросить у приятеля, куда же делась Румита, но договорить не успел.

Дверь с размаху ударилась о стену, словно ее открыли ногой. Мелфин глянул и тут же почувствовал, что его сердце рухнуло куда-то в желудок. Бретен проследил за его взглядом и замер с открытым ртом, держа на весу кружку с пивом.

На пороге стояли двое. Оба высокие, неуловимо похожие друг на друга, с темными, мокрыми от дождя волосами, в одинаковых форменных серых плащах. Дверь заскрипела, покачиваясь, ворвался ветер, пахнувший морем и мокрыми водорослями. И вместе с ветром влетел страх.

«Норлоки, – промелькнуло в голове у Мелфина. Он боялся пошевелиться: ему мгновенно захотелось оказаться как можно дальше от этого проклятого кабака, а может, и от Доршаты. – Они. Их ни с кем не спутаешь. С людьми тем более».

Бывало, конечно, что приезжие по первости путались и ошибочно принимали их за рунонцев, темноволосых и сероглазых жителей города Рунон, что на Восточном побережье, тем более что выглядели норлоки совсем как люди. Но те, кто жил в Доршате, таких опасных ошибок никогда не допускали.

– Где гадалка?

Мелфин и Бретан обмерли – вот угодили! Принесла же нелегкая норлоков именно сегодня! Нагрянули бы они вчера – этой встречи, пожалуй, и не случилось бы.

Впрочем, у них, как известно, так просто никогда ничего не бывает. Бретен, услышав про гадалку, осторожно опустил кружку на стол и тихонько отодвинулся от приятеля на край лавки.

Старина Фитч со второй попытки выдавил севшим голосом:

– Исчезла она... Ушла...

Плотник, по-прежнему сидя на корточках, торопливо закивал головой, хотя понятия не имел, о чем идет речь.

Один норлок повернулся к Мелфину:

– Когда ушла?

– Э... – начала было он и почувствовал, как холодные мурашки пробежали по спине: увидел, как блеснули клыки. Не такие, как у зверя, конечно, но побольше немного, чем полагалось бы обыкновенному человеку. На левой скуле у каждого норлока татуировка, словно легкий росчерк черной тушью.

«Волки» Сульга... еще того не легче. Вот ведь с кем приходится делить Доршату людям! А что делать? С давних пор так повелось: и люди, и норлоки считают Доршату своей землей.

– В тот вечер и ушла... – пробормотал Бретен и тут же прикусил язык: один из «волков» глянул в его сторону.

– Как погадала... – добавил Мелфин и по быстрому взгляду старины Фитча, брошенному в его сторону, догадался, что про гадание лучше бы не говорить. – Так и...

Бретен торопливо закивал, тараща глаза. Мол, ушла, ушла. Исчезла. Кто ж будет врать, жизнью рисковать ради дуры, два раза подряд нагадавшей смерть Великому норлоку, да еще и при свидетелях? Теперь понятно, что дальше будет. Дуру эту из-под земли достанут, а свидетелей могут и того... Только сначала кожу на ремни порежут, чтобы помирали подольше. Говорят, по этой части норлоки большие мастера....

Мелфин угадал, о чем подумал приятель, и поежился.

Он опустил глаза, глядя в грязный дощатый пол, когда осмелился глянуть на порог, там уж никого не было. «Волки» Сульга исчезли. Дверь покачалась на мокром ветру и с размаху захлопнулась, отсекая черную дождливую ночь. Старина Фитч у себя за стойкой опустился на табурет и перевел дух.

В тот вечер Мелфин с Бретенем еще долго сидели в кабаке. На улицу, где шумел дождь и завывал ветер, они выходить боялись: все казалось, что эти двое стоят прямо за дверью.

Из Доршаты Румита скрылась той же ночью. Она ненадолго заскочила домой, выгребла из тайника под кроватью свои небогатые сбережения и заторопилась дальше. Дождь лил как из ведра, на мокрых улицах не было ни души. Еще утром такой погоде Румита радовалась, но сейчас слезы наворачивались на глаза. Если б не бушевал на море шторм, можно было бы добраться до гавани и купить место на корабле. На большом торговом пассажирские места, конечно, стоят дорого, скопленных денег вряд ли хватит, но ведь есть и маленькие суденышки, такие крохотные, что их даже не досматривают перед отплытием. Доршата – крупный порт, каждый день десятки кораблей отходят в синее море, так что и норлокам не удалось бы отыскать среди них тот, в трюме которого свернулась в клубочек глупая гадалка. А дальше – просто: в ближайшем порту сойти на берег, пересесть на другой корабль, замести следы и навсегда скрыться от страшных «волков» с их Великим норлоком. Румита всю свою недолгую жизнь прожила в Доршате, но никогда его не видела, а теперь, после того, что произошло, знала совершенно точно: лучше и не видеть, а удирать как можно дальше и быстрее.

Она на минуту остановилась, вытерла лицо и продолжила путь. Потянулись окраины Доршаты: маленькие дома с темными окнами, мокрые облетающие сады, пустые огороды с покосившимися изгородями. Вдали, невидимые в темноте, вставали горы. Через высокий перевал проходили сотни тропинок. Румита знала такую, которая была никому не известна, кроме нее самой.

«Пробраться по тропе, спуститься с гор – а там другая страна, – думала она, спотыкаясь на булыжниках, которыми была вымощена улица. – Там хорошая погода, солнце, там море и корабли, и там норлоки не достанут. Не догонят».

За пустыми, облетевшими садами начинался тракт, ведущий из города. Румита задумалась: нужна была лошадь, чтобы добраться до гор как можно быстрее. Крупные постоялые дворы девушка обошла стороной и направилась к маленькому, который стоял на развилке двух дорог, в стороне от торговых путей. Гадалке пришлось очень долго стучать в запертые ворота, пока наконец не проснулся хозяин. Зевая и почесываясь, ругаясь вполголоса на погоду, он вышел во двор, поднял повыше зажженный фонарь и разглядел промокшую девушку, у которой зуб на зуб не попадал от холода. Хозяин пожал плечами, несколько не удивившись, словно каждую ночь к нему ломились мокрые девицы, требуя лошадь и немного еды. Жизнь у дороги давно отучила его удивляться чему бы то ни было, поэтому за умеренную плату он ссудил ей рыжего мерина, немолодого, но крепкого, выносливого и смиренного, собрал кое-что из припасов, почесал под лопаткой, подумал и предложил обсушиться в доме: очаг был еще горячим. Девушка отказалась. Она взгромоздилась на коня и стукнула пятками по крутым бокам. Мерин покосился на ливень, хлеставший за воротами конюшни, и наотрез отказался выходить. Девица врезала ему сильнее и пробормотала ужасное ругательство. По лицу ее текли то ли капли дождя, то ли слезы. Мерин понял, что она не отстанет, и обреченно двинулся вперед.

Румита ехала уже несколько часов, мокрая, совершенно окоченевшая от холодного ветра, то и дело погоняя коня, скользившего по размытой дороге: торопилась добраться до гор, пока не наступил рассвет. Доршата осталась далеко позади, но страх не отступал. Она надеялась, что слухи о гадании в портовом кабаке нескоро дойдут до норлоков, а может быть, и не дойдут вовсе, но дожидаться, чтоб узнать, так ли это, все же не стоило: следовало уносить ноги поскорее. Девушка еще раз оглянулась, проверяя, нет ли погони, и шлепнула мерина поводом, чтоб он прибавил шагу; тот сердито мотнул головой.

Серое утро застало беглянку уже возле перевала. Румита отыскивала нужную тропу, круто уходившую в горы и, подгоняя уставшую лошадь, двинулась вверх. Дождь ненадолго прекратился, а потом снова зарядил с прежней силой. Гадалка, продрогшая до костей, была этому рада: ливень смыл все следы, и даже норлоки с их звериным чутьем будут бессильны, однако около полудня дождь снова перестал. Узкая тропка вилась почти по вершинам гор; внизу, в долинах, лежал туман, напоенный влагой. Там, невидимый за серыми облаками, на пологом морском берегу раскинулся небольшой приморский городок. Румита собиралась продать там мерина, вырученные от продажи деньги добавить к своим сбережениям и купить место на первом же корабле, готовом покинуть гавань. Она принялась мысленно пересчитывать свои небольшие капиталы, размышляя, какую часть можно будет отдать хозяину судна, а какую оставить себе на первое время, порадовалась, что успела, несмотря на спешку, захватить из дома гадальные карты – верный кусок хлеба в чужой стране – и постепенно успокоилась. Поеживаясь от холодного ветра, девушка закуталась в промокший насквозь плащ и начала было дремать, но тут уставший мерин поскользнулся на мокрых камнях и тяжело рухнул на передние ноги – Румита едва не вылетела из седла. Она дождалась, пока измученная лошадь поднимется, осторожно соскользнула на землю и тут же уцепилась за гриву коня, чтобы и самой не упасть: ей нечасто приходилось садиться в седло, а ездить верхом много часов подряд и вовсе никогда не доводилось.

– Ой-ой-ой... – проговорила девушка, разминая затекшие ноги, и медленно опустилась на корточки. Хотелось обогреться, обсушиться и поесть чего-нибудь горячего, но нечего было и думать о том, чтобы развести огонь. Поколебавшись, Румита решила все же немного передохнуть. Она встала, с трудом разогнув уставшую спину, привязала к чахлому серому кусту мерина, выбрала укромное место за выступом скалы и снова уселась на корточки, подперев рукой подбородок. Мысли ее беспорядочно перескакивали с одного на другое: то вспоминалась Доршата, то представлялся город, который лежал внизу, – по рассказам подружки, Румита представляла его довольно хорошо. Вскоре бессонная ночь взяла свое: незаметно для себя

гадалка задремала. Сразу же завертелось все в каком-то черном, болезненном тумане: мелькали лица пьяных моряков, улицы ночной Доршаты, потом послышался хохот Мелфина, голос Бретена... и вдруг ее захлестнуло ужасом, словно холодной волной. Она дернулась, резко открыла глаза и не сразу догадалась, где находится, потом поняла, что проспала всего несколько минут. Уставший мерин стоял неподалеку, низко опустив голову, сырой ветер трепал его гриву. Начинал накрапывать дождик. Все вокруг было по-прежнему.

– Ни один корабль не выходил из гавани уже несколько дней, – проговорил норлок, один из тех, кто заходил в кабаки старины Фитча. – Есть путь через горы.

Другой глянул на серые тучи, затянувшие перевал:

– На лошади до предгорья добираться быстрее. Если человек хочет быть незаметным, вряд ли он купит коня на большом постоялом дворе.

Они разговаривали, не обращая никакого внимания на ливень.

– Небольшой трактир с конюшней стоит на развилке двух дорог. Оттуда рукой подать до предгорий.

Норлоки переглянулись. Больше говорить было не о чем.

Через некоторое время хозяин постоялого двора, вытащенный из постели, умирая от страха, сообщил ночным гостям, что кудрявая девушка купила у него мерина два дня назад и очень торопилась. Норлоки тоже торопились, и только это обстоятельство спасло старику жизнь.

Добравшись до приморского городка, Румита еще раз обернулась на затянутые низкими тучами горы. Каждый раз, оглядываясь, она ожидала увидеть преследователей прямо за своей спиной, и каждый раз обмирала от ужаса. Только когда между ней и Доршатой ляжет океан, можно будет поверить, что «волки» Сульга, идущие по следу, не настигнут ее.

Продавать мерина уже не было времени. Румита слезла с седла возле первого попавшегося трактира, накинула повод на коновязь и поспешила дальше. Лошадь, понуро развесив уши, глядела ей вслед.

День клонился к вечеру. Румита шла вдоль узкой набережной, держась ближе к домам, и внимательно разглядывала суда. Один кораблик ей приглянулся. Она спустилась на песок, подошла поближе, перекинулась словом с юнгой, потом с помощником капитана. Выяснилось, что отправляются они завтра на рассвете. Румита чуть не расплакалась от отчаяния: целая ночь впереди! Сердце сжималось от предчувствия близкой опасности, но делать было нечего: вряд ли какое-нибудь судно соберется покинуть гавань на ночь глядя!

Она вздохнула и принялась договариваться о цене. Юнга сообщил, что корабль идет на Северные земли, но сначала зайдет на два дня в Лутаку – большой портовый город на побережье. Румите было совершенно все равно, куда направится судно, лишь бы побыстрее. Она заплатила половину цены, вторую часть пообещала отдать завтра утром, когда поднимется на борт. Помощник капитана, пожилой и немногословный человек, спросил ее имя и пообещал, что место на корабле останется за ней.

На сердце у Румиты стало чуть спокойнее. Она медленно шла по узкой улице, раздумывая о ночлеге. Постоялые двory девушка обходила стороной: если норлоки доберутся до города, обшарят их в первую очередь. Поразмыслив, она забрела на маленький базар. Покупателей уже почти не было, и торговцы неторопливо убирали под навесы спелые фрукты, местные и диковинные, привезенные морем. В другое время Румита поглазела бы на заморские плоды: некоторые из них она видела в первый раз, но сейчас ей было не до этого. Болтая с торговкой, она принялась выбирать яблоки, перебирала их в плетеной коробке так привередливо, словно и в самом деле собиралась покупать. Торговка, толстая, с румянцем во всю щеку, добродушно поинтересовалась, уж не из Доршаты ли приехала девушка? Румита насторожилась, но жен-

щина, завязывая коробки с персиками, пояснила, что догадалась об этом по выговору: ее муж был уроженцем Доршаты. Румита рассказала несколько последних новостей, потом выждала момент и поинтересовалась, где можно переночевать девушке за небольшую плату. Торговка охотно пригласила ее к себе, и девушка вздохнула с облегчением: ее незатейливый план замечательно удался. Она отошла в сторону и принялась дожидаться, пока мальчишка-помощник под присмотром фруктощицы закончит раскладывать по корзинам нераспроданный товар: румяные абрикосы, рыхлые медовые груши и алые гранаты. Румита крутила в руках яблоко, которым угостила ее торговка и размышляла: «Если и эту ночь доведется пережить, то можно считать, что я родилась под счастливой звездой». Но не успела она подумать об этом, как сзади потянуло холодком по спине, словно сквозняком из открытой двери. Медленно, замирая от страха, Румита обернулась и увидела кулак, летящий прямо в лицо. Искры вспыхнули перед глазами фейерверком вместе с обжигающей болью, рот мгновенно заполнился кровью. И последняя мысль мелькнула в угасающем сознании: «Нашли все-таки...»

Одно Румита поняла для себя очень хорошо: бояться и умирать от страха можно до какой-то определенной черты. Потом человеку становится не то чтоб не страшно, а как-то уже все равно.

Страх, который жил в ее сердце, перегорел. Больше всего хотелось, чтобы все это закончилось как можно быстрее. Неважно, если даже смертью: в конце концов, мертвые никого не боятся, даже норлоков. И ей тоже никто не был бы страшен, даже тот, кто стоял сейчас посреди комнаты и разглядывал ее холодными серыми глазами. И в глазах этих – мороз зимнего пасмурного утра. Все ее знакомые: и братец Мелфин, и дружок его Бретен – умерли бы от страха еще на пороге этой комнаты, а она, Румита, до сих пор еще была жива.

– Это ты – гадалка?

Она слабо кивнула: при каждом движении голова начинала болеть так, что, казалось, вот-вот разлетится на мелкие осколки. Перед глазами плавали черные мухи, и Сульг, Великий норлок, стоял перед ней словно в тумане. Румита видела темные волосы, разглядела на левой скуле росчерк черной туши, такой, как у всех его «волков», потом наткнулась на чужой взгляд и торопливо отвела глаза.

На спинке кресла сидел пестрый сокол, наклонив голову набок, искоса желтыми глазами поглядывал на девушку. Хозяин сокола тоже разглядывал ее пристально, но без особого интереса, и Румита чуть поежилась: поняла, что норлок ищет следы магии.

– Кости при тебе?

Разбитые, опухшие губы гадалки шевельнулись.

– Доставай.

Последние два дня отучили Румиту удивляться. Она медленно полезла за пазуху – каждое движение отзывалось в избитом теле болью, – осторожно достала бархатный мешочек и попыталась развязать. Опухшие пальцы подчинялись плохо, и гадалка растянула крученный шнур мешочка зубами, запачкав бархат кровью. Она вытряхнула на ладонь белые кубики с черными точками, вспомнила, что хотела выбросить их в море, да не успела. Торопилась убежать из Доршаты, хотя в глубине души разве не знала совершенно точно, что от «волков» не убежишь, не скроешься?

Великий норлок поглядел на кости, потом снова на Румиту:

– Бросай.

Румита подняла глаза – левый заплыл почти, глядеть больно – и поняла, что не ослышалась.

Она хотела, как полагается, перемешать кости, но пальцы почти не сгибались. Бросила она не сильно, но длинный стол, посередине которого стоял большой подсвечник на девять свечей, оказался отполирован отменно: кубики разлетелись далеко, а один остановился почти

на самом краю стола. Одновременно шагнули к столу Великий норлок и Румита, одновременно выдохнули: норлок – сквозь зубы, гадалка – еле шевельнув разбитыми губами:

– Семерка...

Румита как-то слышала, что перед смертью вся жизнь человека в один короткий миг проносится у него перед глазами: с босоногого детства и до последнего дня. Но ничего подобного ей не привиделось, и прощаться с жизнью она не стала: попрощалась еще тогда, когда очухалась на седле у норлока и тут же снова получила в физиономию.

Голова у нее сильно закружилась, и все звуки пропали. Сульг что-то произнес, но Румита уж не слышала его слов. Откуда-то появился другой норлок, ухватил гадалку за шиворот и выволок из покоев. Мир снова закружился вокруг, заколыхался и поплыл, мутная волна накрывала с головой, мешая дышать. Румите чудилось, будто она опять едет куда-то. Она задыхалась, пытаясь ухватить ртом воздух и проваливаясь, словно в темный омут. И вдруг будто выплеснуло волной на берег: кто-то снова схватил ее за шиворот, стащил с седла, встряхнул и поставил на ноги. Румита ощутила под ногами твердую почву, разлепила глаза, и рот ее приоткрылся от изумления. Она была во дворе кабака старины Фитча в Доршате, откуда бежала три дня назад, спасаясь от «волков» Сульга. Румита с опаской оглянулась: позади – никого. Норлок, что привез ее, исчез, как сквозь землю провалился.

В дверях стояли Мелфин и Бретен, оба с вытаращенными глазами. Румита хотела махнуть им рукой, но ноги вдруг подкосились, и она опустилась на землю, прямо там, где стояла. Ухватившись рукой за столбик коновязи, девушка прислонилась к нему лбом и замерла: не верилось, что все закончилось. Потом пошарила в кармане: хотела отыскать мешочек с костями, чтобы тут же выбросить их в канаву. Гадальных костей в кармане не оказалось. Девушка проверила другой – обнаружила деньги, оставшиеся от уплаты за место на корабле, и пожалала плечами.

И только когда она уже сидела за столом рядом с Мелфином и Бретенем, когда старина Фитч притащил для нее кружку неразбавленного крепкого пива и уселся напротив, глядя на девушку во все глаза, Румита вдруг вспомнила: гадальные кости так и остались на столе у Великого норлока.

Глава вторая ПРИХОДЯЩАЯ С ТЕМНОТОЙ

Сквозь высокие стрельчатые окна в свинцовых переплетах видно было, что в горах уже кое-где выпал снег. Значит, совсем скоро кейлих Кхир принесет на своих крыльях зиму в Доршату. Эта старая ведьма с синим от стужи лицом и длинными белыми волосами спустится с гор в долину, пройдет по лесам, равнинам и холмам, чтобы поглядеть, все ли готово к зиме. Проверив, снова поднимется на вершину самой высокой горы, стукнет ледяным посохом, и вся земля сразу покроется льдом и снегом, задуют суровые ветра, закрывая торговым кораблям путь в бухты и гавани Доршаты. К весне силы Белой Ведьмы постепенно убывают. Чем длиннее дни, тем слабее становится злая старуха. И наконец когда, радуясь солнцу, побегут первые ручьи, оборачивается кейлих Кхир простым серым камнем-валуном и пережидает лето, чтобы вновь вступить в свои права поздней осенью.

Заседание Совета Шести тянулось так же долго, как и осенний тусклый день. Перед началом заседания секретарь, незаметный и тихий человек с серебряной цепью на шее, положил перед участниками Совета по листу превосходной голубоватой бумаги. На каждом прекрасном почерком, с росчерками и изящными завитушками были изложены шестнадцать вопросов, которые предполагалось рассмотреть на сегодняшнем заседании. Разложив листы, секретарь уселся за маленький столик, находившийся сбоку от огромного овального стола, и принялся терпеливо дожидаться, пока члены Совета займут свои места. Предполагалось, что сегодняшнее заседание будет вести человек – канцлер Белого Дворца. Вспомнив об этом, секретарь беспокойно поерзал на неудобном стульчике. Канцлер имел отвратительную привычку излагать свои соображения голосом настолько тихим и невыразительным, что приходилось изо всех сил напрягать слух, чтобы разобрать слова и занести их в протокол. Секретарь строго глянул на двух писцов, сидевших чуть поодаль, – каждый из них держал на коленях специальную доску с прищипленной к ней бумагой для записей – и перевел взгляд на второго члена Совета из Белого Дворца. Представитель Палаты общин, тоже не подарок. Говорил он, правда, громко, но стоило ему разволноваться – а это бывало слишком часто – начинал тараторить с необыкновенной скоростью. Слова вылетали из его рта, словно бешеные мухи, только успевай ловить. Из людей замечательно умел говорить лишь правящий Наместник. Секретарь украдкой бросил быстрый взгляд в его сторону: Наместник уже восседал на своем месте, а Представитель палаты, стоя за его креслом, что-то почтительно шептал ему на ухо, тыча пером в повестку заседания. Да, вот кто излагал свои мысли прекрасно: достаточно громко, отчетливо, делая паузы, которые придавали его речи значимость и весомость. Но, к сожалению, он еще не скоро будет вести заседание. Секретарь с озабоченным видом глянул в свои бумаги: так и есть, следующий Совет Шести проведут норлоки Серого Замка.

«Так уж заведено, – философски размышлял секретарь, – Доршатой, страной и городом, управляют люди и норлоки, из их представителей и сформирован Совет». Он незаметно глянул на тех, кто расположился по другую сторону дубового стола. Их тоже трое: Магистр, норлок довольно преклонных лет, с длинными темными волосами и пронзительными глазами... крайне неприятно, когда он вдруг так уставится на кого-нибудь... кажется, что вот-вот просверлит дырку в этом несчастном. Секретарь на минутку задумался об истинном возрасте Магистра: «Похоже, без магии здесь не обошлось: жизнь норлоков, конечно, гораздо дольше человеческой, но даже они не живут так долго». Говорил он весьма хорошо и громко, хотя восточный акцент до сих пор слышался в его речи, особенно когда он был чем-то недоволен... а недоволен он был почти всегда. Советник по финансам Серого Замка – удивительнейшее дело! Слушать его – истинное наслаждение: говорит складно, много и красноречиво, но читать его же речь,

записанную на бумагу, – словно распутывать лисьи следы на снегу! С первого раза невозможно понять, о чем, собственно, он вел речь? Зато когда заседание Совета проводил военачальник Замка... Секретарь, несмотря на тщательно скрываемую неприязнь к норлокам, должен был признать, что записывать за ним одно удовольствие: говорил он хоть и негромко, зато четко и ясно. Жаль, что предыдущий Совет, который он вел, был закрытым и ни секретаря, ни писцов туда не допустили.

Сегодняшнее заседание Совета, вне всякого сомнения, затянется надолго: в самом конце стола сидит, со страдальческим видом перебирая бумаги, городской казначей. Он управляет общей частью бюджета Доршаты, и, судя по тому, какие взгляды бросает на него Советник по финансам, битва ожидалась нешуточная. «Начинаем заседание», – прошелестел Канцлер, неприязненно покосившись на военачальника норлоков, который вполголоса обменивался замечаниями с Советником по финансам.

Секретарь сжал в пальцах перо и склонился над листом бумаги.

Почти все пункты Совету удалось решить довольно быстро: разногласий по поводу строительства мостов, починки дорог и повышения налогов на импорт почти не было. Бурные дебаты вызвало сообщение Советника по финансам о необходимости сдерживания роста монополий, но в конце концов и этот вопрос удалось урегулировать и достигнуть соглашения между членами Совета. Когда же добрались наконец до шестнадцатого пункта повестки заседания, за окнами уже почти совсем стемнело.

Городской казначей, шепелявя от волнения больше обычного, принялся зачитывать отчет о расходе общих бюджетных средств. Он чувствовал на себе тяжелый взгляд Магистра, и это против воли заставляло его нервничать.

Магистр Серого Замка, старейший из всех присутствующих членов Совета, любил предаваться на долгих заседаниях невинным развлечениям. Он устремлял взгляд пронзительных глаз на выбранную им жертву и не отводил его до тех пор, пока почтенный участник Совета, чувствуя себя крайне неудобно, не начинал ерзать в удобном мягком кресле. Эта забава, впрочем, нисколько не мешала ему внимательнейшим образом выслушивать и заносить в память все, о чем говорилось на Совете.

Магистр дождался, пока городской казначей, облаченный по традиции в одежды белого и серого цветов, запнулся в одном предложении три раза, довольно откинулся на спинку кресла и обвел неторопливым взором членов Совета. Напротив него, внимательно слушая доклад казначея, сидел Наместник. Магистр задумчиво переплел пальцы и оперся на них подбородком. Он еще помнил времена, когда в Доршате правила королевская династия. Но с тех пор как король таинственным образом отошел к праотцам вслед за королевой, так и не оставив потомства, власть людей на Совете Шести представлял Клан Наместников. Магистр имел большие сомнения относительно обстоятельств гибели монарших особ, но держал свои сомнения при себе. Нынешний Наместник Доршаты был ничем не лучше и не хуже предыдущего: та же хитрость, то же коварство, та же ненависть за маской дружелюбия и та же жажда полной власти в Доршате. Магистр слишком долго жил на свете, чтобы удивляться этому. В конце концов, норлоки тоже желали полной власти. Эта жажда – точно тлеющие угли под серой золой. Достаточно порыва ветра – и начнет полыхать огонь гражданской войны, войны за власть. Допускать этого было нельзя.

Магистр перевел глаза на сидящих по левую сторону стола норлоков: Советник по финансам не сводил горящих глаз с казначея, с нетерпением ожидая, пока тот наконец закроет рот. Магистр вздохнул: когда Советник пребывал в таком состоянии, заставить его нервничать еще сильнее было невозможно. Он задумчиво пожевал губами и неожиданно встретился взглядом с Великим норлоком. В серых глазах военачальника таилась усмешка. Магистр чуть скривился: заставить нервничать Сульга не мог никто.

Магистр отвел глаза и устроился в кресле поудобнее. У него имелось в запасе еще одно любимое развлечение: слушая монотонное бормотание городского казначея, Магистр принялся размышлять о том, какой несчастный случай можно было бы устроить Великому норлоку. Он перебирал в уме несколько десятков отличных вариантов, но ни на одном из них так и не остановился.

Казначей закончил длинный и обстоятельный отчет, опустил на свое место и, предвидя неприятные разборательства, покосился на Советника по финансам. Тот немедленно вскочил на ноги, сверкая глазами, и потребовал объяснений по поводу чудовищных трат на ремонт дамбы. Представитель Палаты общин теребил тяжелую золотую цепь на груди, явно выжидая момент, чтобы вступить в бурные дебаты.

Магистр счел возможным вернуться к успокаивающим мечтам о несчастном случае. В глубине души он прекрасно понимал всю несерьезность подобных замыслов, однако не мог справиться с многолетней привычкой: стоило ему увидеть Сульга, как в голове сами собой возникали чудесные, но трудноосуществимые планы. В то же время Магистр не мог не признавать очевидного: присутствие военачальника норлоков в Доршате делало сотрудничество с людьми Наместника гораздо легче.

С тех пор как Сульг вернулся из изгнания, ему удалось сделать немало: сосредоточить в своих руках воинскую власть, добиться того, чтобы на ключевых постах стояли его люди, провести военную реформу, которая принесла хорошие результаты, закончить формирование профессиональной, хорошо обученной армии, прекрасно показавшей себя при битве на Взморье и во время Семилетней войны. Появилась служба разведки и связи, подчиняющаяся лично Великому норлоку, действовала тайная служба – «волки Сульга», руководил ею его давний друг – Тирк. Попасть в «волки» мечтал каждый норлок, заканчивающий военную школу Доршаты.

Все это работало на укрепление позиций норлоков, и Белый Дворец наконец-то вынужден был умерить свои амбиции. Доршата никогда не была благополучным и спокойным государством: слишком много народов проживало на ее территории. Тем не менее необходимо было поддерживать хотя бы видимость порядка не только в городах, но и в отдаленных провинциях, где проживали гоблины и кочевые племена, а это было нелегко. Склоняя их на свою сторону, Сульгу приходилось пускать в ход самые различные способы убеждения: хитрость, подкуп, жестокость, расчетливый обман... Магистр не всегда одобрял его тактику, но предпочитал считать, что в большинстве случаев подобные действия оправданы.

Яростные препирательства Советника по финансам и городского казначея наконец-то закончились, и Канцлер, дожидавшийся окончания споров с брезгливым выражением на лице, тронул молоточком серебряный колокольчик, призывая к вниманию.

– Этот вопрос не внесен в сегодняшнюю повестку, – проговорил он тихим, бесцветным голосом, после того как Советник и казначей, все еще бросая друг на друга сердитые взгляды, вернулись на свои места. – Но дело чрезвычайной важности. Хотелось бы услышать мнение всех членов Совета...

Магистр уставился на него выцветшими серыми глазами, прекрасно догадываясь, о чем сейчас пойдет речь.

– Все мы, – продолжил Канцлер, – прилагаем большие усилия, чтобы сделать Доршату крупнейшим портом на побережье. Благодаря торговле с другими странами пополняется общая казна государства. Иностранцы должны считать Доршату привлекательной для вложения своих денег. Привлекательной, – подчеркнул Канцлер. – И безопасной. В последний год мы не можем похвастаться спокойствием и безопасностью на улицах Торгового квартала. Как вы понимаете, я говорю об этом при скорбном случае, произошедшем три дня назад... Клан Негоциантов был очень обеспокоен случившимся и высказал нам свое возмущение.

– Что показало расследование? – поинтересовался Магистр, выслушав Канцлера. Великий норлок весь обратился в слух.

– Дознаватели пришли к выводу, что убийцы – та самая шайка сарамитов, что терроризировала пару лет назад соседний Акрим, – неохотно ответил тот. – Поймать их, к сожалению, не удалось: по нашим сведениям, они отплыли на одном из кораблей к берегам Пряного ветра сразу же после... гм... происшествия.

Канцлер пожевал губами и приступил к самому неприятному:

– Клан Негоциантов вскоре будет просить вас о личной встрече. – Он поглядел на Магистра, затем на военачальника. – А пока что они настоятельно просят усилить охрану квартала патрулями норлоков.

Советник по финансам беспокожно заерзал в кресле: один из самых влиятельных Кланов Доршаты впервые обратился к норлокам за помощью, а ведь он традиционно сотрудничал только с людьми!

– Боюсь, это будет нелегко, – любезно проговорил Сульг. – Количество наших патрулей в городе ограничено решением Совета.

– Так же, как и патрулей Белого Дворца, – холодно заметил Канцлер.

– Полагаю, на следующем заседании придется пересмотреть это решение, – заметил военачальник, – и увеличить численность наших патрулей. Если, конечно же, Клан Негоциантов желает получить охрану норлоков.

Канцлер хотел добавить что-то, но сдержался и объявил Совет законченным, в раздражении стукнув по колокольчику сильнее, чем обычно.

Советник по финансам собирал свои документы, храня на лице невозмутимость и обдумывая неожиданно открывшиеся перспективы сотрудничества.

Он поднялся с места, провожая представителей Белого Дворца, и, когда зал покинули наконец писцы и секретарь, довольно потер руки:

– Клан иностранных Негоциантов! Отлично, от лично! Давно мы думали, как к ним подбратиться, а?! Мы с Советником по внешней торговле постоянно ломали над этим голову! И вот! Со временем, я уверен, удастся склонить их на нашу сторону. Их поддержка будет очень много значить! Что и говорить, большая удача, что сарамиты нагнали на людей такого страха... Если б не этот кровавый разбой в Квартале... – Он быстро сгреб бумаги, запихал в папку из телячьей кожи и сунул ее под мышку. – Так ты дашь им охрану? – спросил он Сульга.

– Не раньше, чем они лично попросят об этом, – усмехнулся тот.

Советник кивнул:

– Попросят, не сомневайся. Да, сарамиты появились в Доршате как нельзя кстати!

Он довольно хмыкнул и исчез за дверью. Сульг неторопливо собрал свои бумаги – Магистр немедленно почувствовал привычное раздражение, только сейчас оно было сильнее обычного.

– Откуда в Доршате взялись сарамиты? – спросил он негромко, устремив сердитый взгляд на Великого норлока.

– Понятия не имею, – спокойно ответил тот. – Но наш Советник по финансам считает, что они появились кстати.

– Слишком даже кстати! Меня, например, это наводит на размышления!

– Я мало что знаю об этом происшествии, – невозмутимо сказал Сульг. – Что там произошло?

Он свернул бумаги в трубку и направился к выходу, не дожидаясь ответа. Но Магистр предпочитал всегда оставлять последнее слово за собой.

– У твоих «волков», Сульг, – произнес он ему вслед, – вошло в привычку вначале устранять причину, а уже потом задавать вопросы о том, что же, собственно, произошло!

Великий норлок ухмыльнулся и вышел.

К вечеру дыхание близкой зимы чувствовалось сильнее. Сульг возвращался с Совета Шести по длинной крытой галерее, соединявшей два корпуса Серого Замка. Галерея была освещена яркими бездымными факелами, и в свете огня оживали старые мозаики на стенах – белые и желтые драконы, напоминая о том, что когда-то давно земли Доршаты принадлежали этим удивительным существам. Сульг обдумывал ход прошедшего Совета, рассеянно поглядывая на большой внутренний двор, вымощенный серыми мраморными плитами. Возле круглого фонтана галдели молодые «волчата» второго года обучения. Даже после целого дня занятий в классах, фехтовальных залах и манежах для верховой езды энергия молодости бурлила в подростках и выплескивалась через край. Они толкались, хохотали во все горло и кричали, а самой остроумной шуткой считалось пихнуть зазевавшегося приятеля в чашу фонтана. Хлопнула дверь в оружейной, появился наставник школы Азах, «волчата» мигом притихли, преданно глядя на своего жоака. Потом заметили на верхнем этаже галереи Сульга и оробели окончательно. Тот кивнул Азаху, усмехнувшись про себя. Великого норлока «волчата» уважали и боялись, наставника – боготворили. Он воспитывал из них воинов, проявляя настоящие чудеса терпения и неистощимого оптимизма.

За лестницей, возле двери, ведущей в личные покои военачальника норлоков Доршаты, несли дежурство два молодых «волка» – прошлогодние выпускники Азаха, которыми он особенно гордился. При появлении Сульга они внутренне подтянулись, не сводя с него серых глаз. Бесшумно появился Тирк, начальник тайной службы. Немногословный и внимательный, он находился в Замке в любое время суток и был прекрасно осведомлен обо всем, что каждую минуту происходило не только в самом Замке, но и в прилегающих к нему парках, конюшнях, флигелях прислуги. В его подчинении находились «волки» тайной службы и те, кто неусыпно охранял Серый Замок, – любое существо, проникшее на территорию, мгновенно оказывалось в поле их зрения.

– Азах передал характеристики на «волчат». – Тирк протянул пухлую стопку листов, густо исписанных ужасным почерком наставника школы: тот считал своим долгом подробнейшим образом информировать Великого норлока о каждом кандидате в «волки». – Найди время посмотреть.

Сульг кивнул. Он видел, что начальник тайной службы уже изучил характеристики самым добросовестным образом: листы пестрели его красными пометками.

Проглядывая листы пергамента и задерживаясь взглядом на замечаниях Тирка, приписанных сбоку четким, аккуратным почерком, он вошел к себе.

В большой комнате было тихо и полутемно, потрескивал огонь в камине. Шторы из тяжелой мягкой ткани закрывали высокие окна, синий ковер на полу заглушал шаги. Возле камина стояло кресло, вплотную к нему был придвинут мозаичный столик с недопитым бокалом вина. Сульг поколебался, бросил пачку пергаментов на рабочий стол, заваленный бумагами и уселся в кресло. Он взял бокал: отблески пламени плясали в рубиновом вине. Сульг откинулся на спинку кресла, прищурился, любуясь игрой огня, – и в это мгновение кто-то скользнул ему на колени. Норлок открыл глаза: на коленях у него полулежала юная красотка, синеглазая и очаровательная. Длинные черные волосы ее были прикрыты бриллиантовой сеткой, и драгоценные камни искрились в свете камина, окружая головку девушки радужными искрами. Сульг осторожно высвободил руку и поставил бокал на столик.

– Рада тебя видеть, Великий норлок, – промурлыкало очаровательное создание, прижимаясь к его груди.

– Что, в самом деле? – поинтересовался он, не двигаясь, придавленный ее телом. От черных волос гостьи веяло едва уловимым сладковатым ароматом.

– Да! – Яркие синие глаза сияли весельем. – И ты мог хотя бы поздороваться!

– Здравствуй, Фелиса.

Фелиса тряхнула головой, плащ распахнулся, она придержала его белой обнаженной рукой, украшенной широким золотым браслетом в виде ветви плюща.

– «Здравствуй, Фелиса!» – передразнила она, мило сморщив прелестный вздернутый носик. – И это все?!

Сульг усмехнулся, глядя на красотку, против воли гадая, не придет ли ей в голову сбросить свой синий плащ. Обычно, когда она это устраивала, то не злоупотребляла одеждой. Фелиса безошибочно угадала его мысли, довольно улыбнулась и устроилась поудобнее.

– Дорогая, ты смахнула бумаги на пол, – заметил Сульг. – Это важный отчет о расходовании фуража для конюшен и сводки с пограничных территорий.

– Ты так говоришь, словно не рад меня видеть!

– Безумно рад.

– Слышу это по твоему голосу. – Красотка обиделась и надула губки. Это выходило у нее так очаровательно, что Сульг не смог сдержать усмешки.

– Ты совершенно мне не радуешься, – с упреком продолжила она. – Думаешь, так легко проникнуть в покои Великого норлока? Твой начальник тайной службы...

– А, так ты видела его?! – оживился Сульг. – И что же? Он в очередной раз не поддался на твои уловки?

Фелиса недовольно фыркнула.

– Что я могу сказать? – Он легонько похлопал ее по плечу. – Наверное, теряешь мастерство, если твое очарование оставляет Тирка равнодушным. Что, он опять пренебрег таким увлекательным занятием, как обыск полуголых красоток, следующих в мой кабинет? Ты ведь предложила ему обыскать себя, верно?

Глаза девушки сердито блеснули.

– У него совсем нет чувства юмора, – заявила она. – Он неинтересный. И ужасно циничный!

– Значит, снова отказался, – с довольным видом констатировал Сульг. – Фелиса, он начальник тайной службы. Не очень веселая должность, знаешь ли. Кого угодно сделает циничным!

Девушка на мгновение задумалась, глаза ее блеснули, словно два сапфира.

– М-м-м... А может быть, он уже перестал реагировать на хорошеньких полуголых девушек? – поинтересовалась она, ерзая на коленях норлока.

– Он женат, так что уймись.

– Можно подумать, это что-то меняет! – фыркнула Фелиса. Плащ на ней распахнулся, и Сульг покачал головой: так и есть – перед визитом в Серый Замок она не стала утруждать себя одеванием.

– Если я покажусь твоим «волкам», они утонут в собственных слюнях, – промурлыкала Фелиса. – Как ты думаешь?

– Думаю, что таким красоткам не место в казармах. Вряд ли тебе будет там интересно. И... э-э-э... ты не могла бы слезть наконец с моих колен?

– О-о-о-о! – удовлетворенно протянула та, прижимаясь крепче. – Обожаю двусмысленности! Как жаль, Сульг, что наши отношения постоянно заходят в тупик: для того чтобы льстить мне, у тебя не хватает ума, а чтобы соблазнить – красоты.

– И в мыслях не имел, – заверил ее норлок. Он поднялся, легко ссадив девушку с колен.

– А твой начальник тайной службы...

Сульг вздохнул.

– Вот что, дорогая. – Он подобрал с ковра разбросанные бумаги и положил на край стола. – Давай закончим с комплиментами. Ты ведь явилась сюда не для того, чтобы смущать покой моих «волков», не правда ли? Что твой хозяин велел передать мне? Можешь переходить

сразу к делу и не тратить время на Тирка. Он тоже владеет магией, и уж не сомневайся, давным-давно распознал твою суть.

Он заметил на ковре еще один листок, поднял и чертыхнулся с досадой. Пергамент оказался помятым: очевидно, Фелиса наступила на него острым каблучком туфельки. Он бросил лист на стол и поднял глаза на девушку.

– Фелиса, ты испортила важный документ, – с упреком сказал он.

Она, прикусив губу, в упор смотрела на норлока. В ее глазах не осталось ничего лукавого и женственного – это был холодный, расчетливый взгляд существа без возраста. Она медленно вынула из рукава плаща свернутую в трубочку бумагу, перевязанную пурпурной тесьмой и запечатанную темно-синей печатью, и протянула Сульгу.

– Он знает, кто я?

Сульг снял тесьму, бросил на пол и, сломав печать, развернул послание. Фелиса не сводила с него тяжелого взгляда.

– Он знает, кто я? – повторила она еще раз.

– Что? – невнимательно переспросил норлок, пробегая глазами письмо. – Кто? Ах, Тирк... – Сульг коротко глянул на нее: неожиданная мысль порядком его позабавила. – Только не говори, что он тебе нравится... Ну, он, конечно, не догадывается, что письма мне приносит демон... Согласись, им не место в Сером Замке. Даже таким очаровательным, как ты...

Фелиса сердито оскалила зубы: ее пронзительные глаза странно гляделись на нежном лице.

– Но он прекрасно чувствует, что ты не та, за кого себя выдаешь. Норлоки довольно устойчивы к любовной магии, – продолжал Сульг. Он свернул прочитанное письмо и бросил его в ящик стола. – Я знаю, что ты живешь, высасывая жизненные силы из тех несчастных, которые клюют на твою человеческую внешность, не распознавая демонической сути. Но здесь, в Сером Замке, можешь не стараться.

– Сульг, – тихо произнесла Фелиса, и в голосе ее звучала угроза, – не указывай, что мне нужно делать.

Он поднял глаза на демона и холодно улыбнулся, блеснув клыками:

– Я просто напоминаю, что тебя вернули из мертвых не для того, чтобы ты охотилась на норлоков. И если будешь замечена в Доршате за этим занятием – пеняй на себя.

Голос Фелисы звучал еще тише, словно шипение змеи перед броском:

– И, что же ты можешь мне сделать, Великий норлок? Ты, со своей слабой магией и жизнью, короткой, как удар сердца?

– Придумаю что-нибудь, – буркнул Сульг. – Вместе с твоим хозяином. Он большой выдумщик, не правда ли? Кстати, о хозяине... В письме сказано, что остальную информацию ты передашь мне на словах. Слушаю тебя.

Сульг уселся в кресло, облокотился на поручни и соединил кончики пальцев.

– Начинай, дорогая. Не будем отнимать время друг у друга.

Фелиса, сверкая глазами, как рассерженная кошка, процедила сквозь зубы несколько слов.

– Замечательно... – задумчиво проговорил Великий норлок. Он глядел в огонь камина и обдумывал услышанное. Потом перевел глаза на девушку.

– Кстати, Фелиса... – вкрадчиво поинтересовался он. – Давно хотел спросить у тебя: а ты бессмертна? Или просто твоя жизнь так длинна? На каких условиях тебя вернули?

Фелиса открыла рот и снова закрыла его.

– Ты... – начала было она, и голос ее дрожал от ярости. – Не лезь не в свои дела, понятно?

– Понятно, – протянул норлок. – Условия были не из приятных?

– Сульг! – зашипела Фелиса. – Когда Совет Шести узнает, какие сети ты плетешь за их спиной, тебе несдобровать! И вот тогда я с удовольствием...

– Как же они узнают? – невозмутимо спросил норлок, разглядывая разъяренную красавицу, стоящую перед креслом.

– О, не волнуйся! Все ваши тайны, смертные, рано или поздно перестают быть тайнами! Это всего лишь вопрос времени!

– Фелиса, – вздохнул норлок, – ты сегодня что-то раздражительна.

Она топнула ногой:

– Ты надоел мне! Я передала письмо, и, если ответа не будет, мне хотелось бы покинуть Серый Замок!

– Пока не будет. Можешь идти.

Фелиса повернулась так резко, что полы ее плаща разлетелись. Сульг кашлянул.

– Фелиса...

Она обернулась, оперев руки в бока.

– Что еще?

– Одевайся в следующий раз теплее... ночи становятся холодными.

Она фыркнула и вылетела прочь.

Вслед ей донесся смех Сульга.

Вечер тихо угас, и на черное небо выкатилась огромная круглая луна. Яркое пламя толстых восковых свечей освещало рабочий стол норлока, загоня тени в углы кабинета. Предполагалось, что часть сегодняшней ночи будет целиком посвящена проверке отчетов интендантов и изучению характеристик «волчат», однако Сульг был занят совсем другими делами: он стоял перед небольшим зеркалом, освещенным с двух сторон витыми свечами, и рассматривал собственное отражение. Зеркало отражало высокого темноволосого мужчину с твердым взглядом серых глаз, облаченного в потрепанную одежду небогатого горожанина. Даже опытный глаз вряд ли определил бы, что под светлой шерстяной рубахой надета тонкая кольчуга, а потертая старая куртка из грубой коричневой кожи скрывает оружие, закрепленное на теле. Сульг довольно усмехнулся, вынул из ящичка стола маленькую серебряную коробочку и открыл ее. Внутри оказалась густая темно-зеленая мазь без запаха. Взяв на палец каплю снадобья, норлок осторожно размазал ее по левой скуле – через мгновение татуировка «волка» исчезла.

На кресле лежал приготовленный плащ, не серый, с серебристо-черной каймой, которые носили «волки» тайной службы, а черный, изготовленный из грубой овечьей шерсти, с большим капюшоном. Сульг накинул плащ, прицепил к поясу нож в простых кожаных ножнах и решил, что маскарад вполне удался и настала самая пора незаметно покинуть Серый Замок: до назначенной встречи оставалось не так уж много времени. Норлок опустил на лицо капюшон плаща, бесшумно приоткрыл дверь и скользнул в коридор. Шаги дежурных «волоков» слышались где-то в самом конце длинной галереи. Держась подальше от освещенных факелами участков, сливаясь с черной тенью, он неслышно следовал за ними. Они прошли примерно половину пути, завернули за угол, а Великий норлок, незамеченный, скользнул к лестнице и оказался возле боковой двери. Ею никто не пользовался: считалось, что ключ от нее давным-давно потерян. На самом деле ключ хранился у Сульга. Когда была необходимость покинуть Серый Замок так, чтобы об отлучке не знала ни единая живая душа, он всегда исчезал через эту дверь.

Под сводами галереи снова раздались шаги: достигнув конца галереи, «волки» возвращались обратно, негромко переговариваясь, и норлок заторопился.

Хорошо смазанный замок беззвучно отомкнулся, с улицы потянуло ночной прохладой и ароматом увядающих цветов из сада. Сульг осторожно прикрыл за собой дверь и сбежал по ступенькам старой каменной лестницы, засыпанной мокрыми осенними листьями.

Тирк, начальник тайной службы, только вздохнул, когда бесшумная тень скользнула рядом и исчезла в ночи. Разумеется, он прекрасно знал о привычке Великого норлока время от времени покидать Замок и пускаться на поиски приключений. Более того, он примерно догадывался, куда отправится сегодня Сульг. Тирк подождал, пока тень скроется за серой гранитной аркой, и кивком головы отправил вслед парочку «волков», которых всегда держал в резерве для подобных случаев. «Волки» были молоды, умны, сообразительны и умели растворяться в городских сумерках не хуже Великого норлока.

Невидимый конвой проследует за Сульгом до места его сегодняшней встречи, обеспечит безопасность во время разговора и доставит обратно. Конечно, Тирк понимал, что норлок вряд ли вышел из Замка безоружным, а значит, вполне может постоять за себя, но ночь в Доршате только началась, и кто знает, какие неожиданности она сулит сегодня! Даже Великий норлок вполне может напороться на нож в кварталах возле гавани, где шляется всякий сброд. Понятное дело, обычное оружие не повредит защищенную заклинаниями кольчугу Сульга, но ведь и оружие бывает разное. Встретится какой-нибудь боевой маг-недоучка...

Словом, когда за норлоком бесшумно следовала вышколенная охрана, Тирк чувствовал себя немного спокойнее.

Освещенные масляными фонарями кварталы центральной части Доршаты остались позади. Потянулись крутые улицы, ведущие к морю. Дома и цитадели, возведенные из серо-желтого песчаника, казались продолжением береговых скал. Узкие улицы-лестницы, удобные для обороны, были вымощены каменными плитами, отполированными за века тысячами ног.

Сульг сбежал по одной из таких лестниц с выщербленными ступеньками, привычно ориентируясь в лабиринте ночных улиц; «волки» бесшумно скользили следом, ничем не выдавая своего присутствия. Ветер, летевший с моря, доносил запахи воды и выброшенных на берег водорослей.

Еще несколько улиц вниз к морю – и Сульг оказался возле одного из маленьких рынков почти на окраине города. Рынок был уже пуст, лишь тощие собаки бродили между рядов, обнюхивая выброшенные ящики и коробки. Тем не менее вокруг было довольно многолюдно: по обеим сторонам грязной улицы располагались лавки, допоздна торговавшие съестным, и трактиры, двери которых были открыты настежь. Возле пустой тележки, запряженной ослом, сидела, дожидаясь хозяина, большая серая собака с черной мордой. Собака хмуро разглядывала людей, время от времени молча скаля зубы, когда к ней приближался подвыпивший гуляка. Учув норлока, пес насторожился и тихо заскулил, выискивая его среди прохожих. Сульг на ходу коснулся его взглядом, и пес слабо вильнул хвостом, глядя ему вслед. Улица оборвалась, и очередная лестница, на этот раз деревянная и скрипучая, привела на морской берег. Норлок остановился на галечной отмели, вытащил из-за отворота перчатки, крошечную записку, прочитал и поднял глаза на облупившуюся, поблекшую от соленых морских ветров вывеску на стене трактира: «Пьяная русалка». Упитанную русалку с пивной кружкой в руке трудно было разглядеть, но, несомненно, когда-то на вывеске была изображена именно она. В дверном проеме виднелись длинные столы и люди, сидевшие за ними. Сама дверь, снятая с петель, стояла рядом с входом, прислоненная к стене. Сульг заколебался, раздумывая, потом все же решил зайти.

Запах чадающих ламп и кислого пива заставил его поморщиться. В большом, плохо освещенном зале было полно народу: люди шумно говорили, пили пиво, приходили и уходили, мало обращая внимания друг на друга. Сульг отыскал место в полутемном углу и устроился так, чтобы сидеть лицом к входу. Продолжая разглядывать из-под опущенного капюшона посетителей «Пьяной русалки», он стянул перчатки, сунул их в карман и под столом незаметно перевернул кольцо на безымянном пальце печатью «волков» внутрь, хотя и понимал, что вряд

ли она известна кому-нибудь из присутствующих. Через минуту какой-то человек плюхнулся к нему за стол, пристукнув тяжелой глиняной кружкой.

– Замечательное место, а? Душевная обстановка, прекрасное пиво: разбавлено в самую меру. Хотя, вода, наверно, из канавы: тухлятиной чуток отдает... Но вкусно! Не понимаю, как хозяину это удается.

– Мастер в своем деле, – пояснил Сульг.

Человек понюхал пиво в кружке.

– Заказать тебе, а? Отличное.

– Нет, спасибо, – поспешно отказался норлок. – Пей сам. Верю тебе на слово.

Человек засмеялся и откинул капюшон. Из-под спутанных седых волос на Сульга глянули веселые молодые глаза – Тильвус, маг-странник, сидел напротив. Сульг не выдержал и тоже улыбнулся, не разжимая губ: ему не хотелось, чтобы посетители заметили клыки и опознали в нем норлока.

– С каждым разом ты выбираешь все более странные места для наших встреч, – заметил он. – Что мешало тебе прийти в Серый Замок?

Тильвус скривился и поскреб подбородок, заросший неопрятной щетиной.

– Ничего не мешало. Зайду как-нибудь. А здесь тебе чем плохо? Прекрасный трактир! Местные сюда не ходят – раз. Стало быть, никто тебя не узнает – два. А не узнают – не будет слухов, что Великий норлок шляется по кабакам Доршаты, – три. Нет, отличное место!

Сульг еще раз незаметно оглядел огромную комнату с невысоким потолком и тяжелыми балками, с которых свисали громоздкие лампы. Женщина в алом платке, повязанном на затылке сложным узлом, запекала в очаге на рдеющих углях морскую рыбу, разложив ее на куски черепицы, и несколько человек с нетерпением дожидались, пока еда будет готова.

– Кто же здесь останавливается? Похоже, среди посетителей не только моряки.

– Да все, кто угодно. – Тильвус тоже глянул через плечо. – Моряки, погонщики караванов, жители предгорий, которые пришли наниматься на зимние работы, – народу много, сам видишь. Можно услышать интересные вещи.

– Да уж... Давно ты в Доршате?

– Второй день. – Тильвус поглядел в кружку, поколебался и сделал глоток. – Вообще-то я остановился на постоялом дворе возле Северной цитадели. Редкостный клоповник, знаешь ли. Сегодня утром при мне какой-то парень утверждал, что ему известно недорогое и действенное заклинание от клопов: две монеты – и эти кровососы навсегда покинут дом. Хозяин говорил, что его клопы и одной монеты не стоят. Потом я ушел, так что не знаю, о чем они договорились. Заклинание от клопов, а?! Я такого не знаю, кстати. Надо было разузнать у этого малого. Интересно, кто он? Наверное, бродячий заклинатель. Магии в нем ни на грош.

Сульг глядел на него с улыбкой. Тильвус был совсем не похож на тех магов, что обитали в квартале возле Белого Дворца. У него не было ни посоха – непременно атрибута чародеев, ни черной мантии, ни длинной белой бороды. Седые жесткие волосы его были пострижены чьей-то неумелой рукой – норлоку пришло в голову, что, вполне возможно, Тильвус сам обкромсал их ножницами, чудом отыскавшимися на постоялом дворе. Последнее время он определенно провел в тех краях, где летом бывает гораздо больше солнца, чем в Доршате: Тильвус сильно загорел, отчего синие глаза сияли еще ярче. Одет он был в старую серую куртку из овечьей шерсти, а накинутый поверх серый плащ носил следы неумелой штопки. Тильвус появлялся в городе всегда неожиданно и так же неожиданно исчезал, иногда на месяц, иногда – на несколько лет, и Сульг, зная его многие годы, до сих пор понятия не имел, где тот пропадает.

– Знаешь, в Доршате тоже появился Орден Заклинателей, – сообщил норлок.

– Знаю. – Тильвус снова отхлебнул из кружки, поморщился и решительно отодвинул ее в сторону. – Потому и пришел. Тыфу ты... Как думаешь – подвесить тайком под стол амулет

для честной торговли? Может, тогда хозяин будет разбавлять пиво всего лишь на одну треть, а? Пополам – это уже слишком.

Сульг глянул в сторону краснолицего дюжего хозяина: тот как раз отпустил подзатыльник мальчишке-слуге, чтоб быстрее пошевеливался.

– Одноглазый Марк – так, кажется, его зовут, – продолжал Тильвус. – Но когда амулет начнет работать, его будут называть «одноглазый честный Марк», а?

Сульг снова улыбнулся, пряча лицо в тень: в отличие от Тильвуса, норлоки не умели менять внешность.

– Пусть мучается от своей честности, так же, как мы – от его пива... – Тильвус дождался, пока мимо стола прошмыгнет мальчишка в замызганном фартуке с пустыми кружками в обеих руках, и продолжил: – Что нового в Доршате? Как поживает твой лучший друг Магистр?

– Примерно так же, как и раньше. По-прежнему пытаются убить взглядом любого, кто с ним в чем-то не согласен. Держит свой Орден железной рукой и, похоже, совсем раздумал умереть когда-нибудь от старости. Во всяком случае, я уже перестал на это надеяться. Его преемник, кажется, тоже.

– М-да... – неопределенно произнес Тильвус. – Преемник, значит... А кто это? Я его знаю?

– Видел как-то. Риферс. Но его кандидатура пока еще официально не утверждена.

– Риферс? Судя по имени, из восточных норлоков? Да, припоминаю. Тихий и молодой, с внимательными глазами. Что он из себя представляет?

– Хороший дипломат, – неохотно сказал Сульг. – Может быть, излишне амбициозен.

– Амбициозен? Странно... Редкое качество для норлока, правда? – произнес Тильвус невинным тоном.

Сульг хмыкнул.

– А «хороший дипломат» – это, значит, хитер как лис? Хитрость, амбиции, умение держаться в тени... – перечислил Тильвус и с сомнением покачал головой. – Что же... надеюсь, Магистр знает, что делает.

– Что еще сказать? Белый Дворец по-прежнему считает эту землю своей и мечтает вышвырнуть норлоков из Доршаты, как сделали когда-то с вирами, – продолжил Сульг. – Кому они мешали?

– У вир не было армии, – заметил Тильвус.

– Именно. Проще вести переговоры, когда в руке – оружие. Правда, мне не очень нравится, что войско Дворца в три раза больше армии Замка, но ведь и норлоков в Доршате гораздо меньше, чем людей.

Он помолчал, без особого любопытства разглядывая посетителей «Пьяной русалки», сидевших за другими столами. Одноглазый Марк бросил в их сторону равнодушный взгляд и отвернулся, потеряв всякий интерес.

– Ты хотел что-то рассказать? – напомнил наконец норлок.

Тильвус кивнул. Он отодвинул кружку в сторону и перегнулся через стол.

– Да... у меня тоже есть новости. Честно говоря, у меня новостей – как блох у собаки. Не все они приятные и не все из них – для тебя, но это неважно. Я думал, ты спросишь, как обычно, с какой начать – с хорошей или с плохой? – Тильвус откинулся на лавке и многозначительно поднял брови. – Но в этот раз лучше не надо. Лучше я начну так: у меня для тебя две новости: плохая и... в общем, другая еще хуже. Какую выслушаешь первой?

– Любую, – усмехнулся Сульг, но глаза его были серьезными.

– Ладно. Начну с Ордена Заклинателей. Ты о нем уже знаешь – замечательно! Все живущие в квартале возле Белого Дворца маги... и те, кто ими себя считает... объединились в Орден. И это хорошо: чем они хуже портных, скажем, или сапожников? Те тоже объединены в цеха. Орден Заклинателей написал Устав, Палата общин его утвердила, и казна стала получать налоги еще с одного цеха – вот и все. Всем надо как-то жить, правда? Торговля амуле-

тами, составление карты жизни по звездам, гадание по рунам дождя... Люди суеверны, поэтому стараются оградить себя от неприятностей при помощи вещей, которые они считают магическими. Смешно, но можно понять.

Сульг молча смотрел в его синие глаза.

– И вдруг я узнаю странные вещи! – Тильвус задумчиво поскреб ногтем сомнительной чистоты изрезанную непристойными надписями столешницу. – До меня доходят слухи, что существует еще один Орден – тех, кто называет себя Невидимыми. Он появился примерно в то же время, что и Орден Заклинателей, но его появление держится в глубокой тайне. Сильно подозреваю, что Невидимые – это и есть те, кто владеет настоящей магией, а не те, кто знает парочку заклинаний от клопов и с горем пополам разбирает руны.

Он беспокойно поерзал на скамье.

– Мне это не понравилось. Не знаю пока, чем занимаются Невидимые. Но думаю так: не зря Белый Дворец создал для них ширму – Орден Заклинателей. Подумай, Сульг. Поразмысли на досуге. Каждый раз, когда появляется никому не известный Орден магов, начинают происходить странные события. Не всегда приятные. В последний раз, когда поползли слухи о существовании таинственного Ордена, из города тут же исчезли виры. Странная взаимосвязь, а? – Он глянул на своего собеседника. – Я хотел, чтоб ты это узнал как можно быстрее. Спусти с поводка свою тайную службу. Пусть твои «волки» разнюхают, что к чему. Хочу быть уверенным, что когда я забреду в Доршату еще раз, то застаю тебя живым... Думать не хочу, что с норлоками может произойти то же, что и с вирами. Ведь их не просто вытеснили с земли, не просто уничтожили физически. Их память просто выжгли. Сам знаешь, есть вещи пострашнее смерти.

Сульг кивнул, сосредоточенно сдвинув брови.

– Я знал некоторых из них. – Тильвус пожал плечами. – С ними было интересно разговаривать. У них потрясающее свойство памяти: они ничего не забывают! Помнят удивительные вещи! А сейчас? Да они больше похожи на животных, чем на разумные существа. Но что-то, видимо, сохранилось у них... – Тильвус многозначительно постучал пальцем по своей голове. – Вот тут. Остатки памяти, может быть. Потому-то они скитаются возле Мглистых земель, хотя заходить туда опасаются.

– Почему именно там? – Сульг крутил кольцо на пальце, обдумывая сказанное Тильвусом. – Это далеко от Доршаты.

– Доршату они не помнят. Но в Мглистые земли их тянут обрывки воспоминаний. Одна из ваших легенд рассказывает, что там обитает чудовище, внутри которого находится амулет Доршаты.

– Помню эту легенду, – хмуро сказал норлок.

– Конечно, это всего лишь сказка. Знаешь, вроде тех, что выдумывали раньше: будто за морем живут шестирукие великаны, животные, подобные огромным горам, покрытые шерстью, птицы с двумя головами и все такое. Теперь люди строят корабли и достигают берегов дальних стран. И что они видят? Там живут почти такие же люди, как и в Доршате.

Тильвус, забывшись, отхлебнул из кружки и тут же сплюнул себе под ноги.

– Я был в Мглистых землях как-то, – продолжил он. – Правда, очень давно. Там нет никаких чудовищ. Это просто бесплодный край, где люди не хотят селиться. И правильно делают. Чем там заниматься? Там нет плодородной земли, чтобы ее обрабатывать, нет пастбищ, чтоб разводить скот. Но и чудовищ там тоже нет.

Тильвус покосился на кружку:

– Самое мерзкое чудовище – наш трактирщик.

– Не буду спорить. Преврати его в животное.

– Слишком жестоко, – проворчал Тильвус. – Амулета на честную торговлю вполне достаточно.

Он помолчал немного.

– Хотел бы я тебя обрадовать чем-то, но в этот раз у меня нет для тебя хороших новостей, – пробормотал маг.

– Обрадуешь в следующий раз, – невесело усмехнулся Сульг.

Тильвус в раздумье снова поскреб ногтем столешницу.

– Я собираюсь завтра покинуть город. Не люблю засиживаться на одном месте, знаешь.

– Уже? Куда ж ты отправишься?

– Куда-нибудь, – уклончиво ответил маг. – Мир большой. Гораздо больше Доршаты.

Норлок вспомнил привычку Тильвуса окружать себя тайнами и не сдержал улыбки.

– Улыбаешься? Хорошо... пора переходить ко второй новости. Правда ли, что норлоки собираются заключать союз с шардами?

Сульг замер. Потом поглядел на своего собеседника.

– Тильвус, – осторожно проговорил он, – я считал, что эти сведения держатся в секрете. Как они стали известны тебе?

– Встречался кое с кем из Белого Дворца, – туманно ответил Тильвус (у него были обширные знакомства в самых различных слоях общества). – Не могу сказать, что весь Дворец, говорит об этом. Но кому нужно – те знают. – Он понизил голос: – Сульг, человек сказал, что утечка сведений идет от кого-то из ваших. Я бы на твоём месте позаботился об этом.

Он взял в руки кружку, бросил взгляд на ее содержимое и покачал головой:

– Да... может быть, в следующий раз я принесу новости получше.

За дверью было темно, хоть глаз выколи. Рядом ворочалось и вздыхало невидимое в ночи море. Иногда порыв ветра приносил свежий запах воды.

Какой-то человек, пробираясь за спиной Тильвуса, довольно сильно толкнул его, и пиво выплеснулось на потрепанный серый плащ странника. Тильвус осторожно поставил кружку на стол, и тут же проходивший мимо скамьи парень задел его плечом.

Сульг вздохнул.

– Ты этого дожидался, да? – поинтересовался он. – Не так ли? Этого? Почему каждый раз, когда мы встречаемся в подобном месте, к тебе обязательно кто-нибудь цепляется и пытается самоутвердиться за твой счет?

Тильвус обернулся, оглядев задевшего его человека. Он был очень молод, невысок и круглолиц, а темные волосы его стягивал кожаный шнурок. В карих глазах светился азарт.

– Что? – спросил он довольно агрессивно.

– Ничего, – пожал плечами Тильвус.

Сульг усмехнулся, наблюдая за происходящим.

– А мне казалось, ты сказал что-то! – напористо сказал парень.

Ты ошибся, юный уроженец Рунона, – миролюбиво ответил Тильвус и повернулся к своему собеседнику.

– Ты прав: всегда одно и то же, – вполголоса произнес маг. – Молодость вообще склонна к жестокости. Но сегодня – как нельзя кстати, а? Надо тебе встряхнуться.

– Даже не вздумай, – так же тихо ответил Сульг. – Если они хотят поразвлечься, пусть намнут бока друг другу. Допивай свое пиво и пойдем отсюда.

Парень обошел стол и встал так, чтобы видеть лицо Тильвуса.

– Откуда ты знаешь, что я – из Рунона? – требовательно спросил он.

– По вышивке на твоей рубашке. Синий и черный – цвета Рунона.

Задиристый рунонец на мгновение смешался и быстро глянул в сторону, Сульг проследил взгляд: четверо его друзей наблюдали за своим приятелем, дожидаясь момента, когда можно будет включиться в свару. Они не скрывали своего нетерпения и не опасались неожиданности. Один из намеченных для развлечения был не так уж молод; он казался крепким и выносливым на вид, но был всего лишь стариком. Второй, чье лицо наполовину скрывал капюшон, судя по

всему, был моложе, но не мог похвалиться ни шириной плеч, ни крепким телосложением. В свою очередь Сульг тоже незаметно разглядывал компанию, почти не слушая разговора Тильвуса с рунонцем. Он обратил внимание, что у двоих из них глаза казались почти черными от расширившихся зрачков, и утвердился в своих подозрениях. С берегов Пряного ветра в Доршату привозили не только драгоценные шелка и пряности, но и бёттель – прессованные листья горного кустарника. Заваренные в кипятке листья придавали человеку необыкновенную бодрость и работоспособность, но через какое-то время душевный подъем сменялся агрессией и болезненной подозрительностью.

– Проснись, приятель! – хлопнул его по руке Тильвус, отрывая от раздумий. – Нам только что предложили покинуть стены этого гостеприимного заведения и выйти на улицу.

Сульг покачал головой: сколько лет прошло со дня их последней встречи, но Тильвус и не думал изменять своим привычкам.

– Да, нам пора, – сказал он, обратившись к парню. – Простите, если мой друг вас обидел. Он человек простой... пастух... вы должны понимать: общаясь с овцами, не получишь хороших манер.

– Что?! – недоверчиво переспросил Тильвус, уставившись на норлока. – С овцами?!

– Поднимайся, друг мой пастух, – твердо сказал тот. – Нам пора!

Рунонец почувствовал себя сбитым с толку, но тут же упрямо тряхнул головой.

– За такие слова в Доршате принято отвечать, – сердито заявил он.

– За какие слова?! Ты опять что-то ляпнул? – недовольно осведомился Сульг у Тильвуса. – Пора бы уже научиться держать язык за зубами!

– Давненько я тут не бывал. – Тильвус задумчиво поскреб в бороде. – Отстал от местных обычаев. Оказывается, многое здесь переменилось.

Сульг кивнул, сдерживая смех: сердиться на него было невозможно.

Трое друзей рунонца, не торопясь, поднялись и направились к их столу. Один остался сидеть за столом, сложив руки на груди, внимательно наблюдая за развитием событий.

– Никаких драк в моем заведении! – заорал из-за стойки Марк, выкатывая единственный глаз. Трактирщик, как человек опытный, мгновенно определил, во что выльется продолжение разговора. – Никаких драк, понятно? Хватит того, что какие-то придурки вроде вас на прошлой неделе разнесли в щепки два стола и выбили дверь! Откуда у меня столько денег ремонтировать все это снова! Хотите начистить морды друг другу – выметайтесь на улицу!

Тильвус пожал плечами.

– Ладно. Мы все равно собирались уходить.

– А как же амулет на честность? – невинно напомнил норлок.

– В другой раз, – сквозь зубы пробормотал Тильвус, поднимаясь из-за стола. – Сейчас я занят, не видишь? Кстати, ты тоже приглашен, так что шевелись!

– Двое из них напились бёттеля, – шепнул ему Сульг, направляясь к выходу. – Не цепляйся к ним: они очень агрессивны в таком состоянии, почти не чувствуют боли и плохо сообщают. И, Тильвус, – предупредил он, натягивая перчатки, – повторю вслед за этим кабатчиком: на этот раз – никаких драк!

Несколько человек потянулись было к выходу, предвкушая зрелище, но в это время в «Пьяную русалку» вошли новые посетители. Двое мужчин несли пестро раскрашенный короб кукольников, а у женщины в руках была завернутая в мягкую тряпку лютя: странствующие актеры намеревались заработать себе на ужин. Посетители «Русалки» тут же забыли о стычке и встретили кукольников радостными возгласами.

Во дворе Сульг с наслаждением вдохнул свежий морской ветер, огляделся и сбросил капюшон. Два факела, вбитые в землю, указывали посетителям дорогу к «Русалке», но почти не рассеивали темноту, и он не опасался, что кто-то случайно может опознать его. Норлок сде-

лал было шаг в сторону, подальше от света факелов, но чья-то крепкая рука тотчас же ухватила его за полу плаща.

– Эй, ты куда? – Голос прозвучал угрожающе. Он принадлежал крупному молодому мужчине, не одурманенному бёттелем, горцу, судя по выговору. – Вздумаешь убежать – твоему старикану не поздоровится! – обратился горец к Сульгу.

– Старикану? – оскорбился Тильвус. Стоявший возле факелов рунонец презрительно фыркнул. Захрустела галька: от «Русалки» к ним направлялись еще двое.

– Убери руки, – произнес Сульг спокойно, но рука, державшая его плащ, тотчас же разжалась, – Ни я, ни мой друг... пастух... не собираемся драться с вами.

Мужчина невольно сделал шаг назад: голос прозвучал так, словно человек не сомневался, что его приказ будет тотчас же исполнен.

– Если он чем-то оскорбил вас, – продолжал Сульг, держа в поле зрения двоих подходивших к ним людей, – то он сожалеет об этом.

– А... – начал было Тильвус и тут же закрыл рот, заработав от норлока ощутимый тычок под ребра. – Да, – покорно сказал он.

Горец пристально взгляделся в лицо Сульга, почти невидимое в темноте, и опустил глаза.

– Хотите так легко отделаться?! – напористо проговорил рунонец, оглядываясь на приятелей: их присутствие придавало ему смелости. – Не удастся! Мы...

– Заткнись! – торопливо бросил ему горец, и тот растерянно умолк.

– Забирайте своих дружков и возвращайтесь обратно, – приказал Сульг. – И запомните на будущее: хотите драться – поступайте в солдаты.

Когда их шаги затихли, Тильвус пожал плечами:

– С чего это тебе взбрело в голову называть меня пастухом?

– А что? Не понравилось? – поинтересовался норлок. – Ладно, пойдем, пока еще кто-нибудь не прицепился.

Тильвус сокрушенно вздохнул.

– Сульг, когда я был в Доршате в прошлый раз, мы так славно провели время! А сейчас! – Он разочарованно сплюнул себе под ноги. – Ты стал до отвращения миролюбив!

– Славно провели время? Это когда в драке тебе выбили два зуба? Да уж! Славно, нечего сказать!

– Да что зубы... – протянул маг, но вдруг голос его повеселел: – Гляди, вон еще какая-то компания идет! Судя по песням, которые они горланят, успели порядком набраться.

– Вряд ли они заметят нас в темноте, – осторожно сказал Сульг.

– Ну, если они не совсем слепые, то, надеюсь, заметят! То есть я думаю, должны заметить! – поправился Тильвус.

– Не знаю... Но на всякий случай надо бы отправить этих двоих...

– Двоих? Кого это?

Норлок досадливо поморщился.

– «Волки». Они где-то здесь. – Он обвел взглядом невысокие развесистые деревья и длинную пристройку к трактиру, служившую летней кухней. – Тирк все время посылает их по моему следу – для охраны. Не хватало еще, чтобы и они ввязались в драку.

Тильвус фыркнул:

– Твоя охрана?! Да уж! Кто кого охраняет?

Сульг не ответил: он пристально взглядывался в ночную тьму. На берегу, кроме большой шумной толпы, медленно приближающейся к «Пьяной русалке», не было ни души, но это его не обмануло. Норлок свистнул коротко и негромко – два «волка» появились перед ним словно из воздуха.

– Миасс и Флат, – усмехнулся Сульг, переводя взгляд с одного на другого. – Замечательно.

«Волки» смущенно переминались с ноги на ногу, почти невидимые в густой темноте.

– Возвращайтесь в Замок, – скомандовал он. – Скажете Тирку, что пришли вместе со мной, понятно? Все, вон отсюда! Быстро!

«Волки» тут же исчезли, как сквозь землю провалились, Тильвус только одобрительно хмыкнул.

– По крайней мере, не будут путаться под ногами, – пробормотал Сульг.

Надеждам Тильвуса не суждено было сбыться: компания прошла мимо, даже не заметив друзей. Норлок и маг выбрали тропку довольно далеко от кромки берега, под раскидистыми густыми ивами, затем снова спустились на галечную отмель и побрели возле воды, направляясь к улице, круто ведущей вверх, в городские кварталы. Волны набегали на камни почти у самых их ног. Далеко на мысе мигал огонек маяка.

– Приходи почаще, – сказал Сульг, останавливаясь возле ступеней из песчаника, ведущих с берега наверх, в городские кварталы.

– Как только смогу, – пообещал Тильвус и поскреб густую щетину на подбородке. – Соберу еще кое-какие новости и приду. Или пришлю птицу. Как думаешь, твои «волки» вернулись в Замок, а?

– Вряд ли, – усмехнулся норлок. – Они боятся Тирка как огня.

При этих словах Миасс и Флат, затаившиеся неподалеку в зарослях дикой акации, перестали дышать. Разумеется, они и не думали выполнять приказ Сульга, потому что прекрасно знали, что их ожидает, явись они в Серый Замок без того, кого велел им охранять начальник тайной службы. Тирк узнал бы о появлении «волков» ровно через две минуты, и еще пара минут ему потребовалась бы для того, чтобы вытрясти душу из своих подопечных. А если выбирать между плохим и худшим, любой «волк» предпочел бы испытать на себе гнев Великого норлока, чем пережить разговор со всегда спокойным начальником тайной службы.

Тильвус захохотал:

– Кто бы мог подумать! Ладно, мне пора. Я постараюсь узнать кое-что... а ты подумай, о чем я говорю.

– Подумаю. И не назначай больше встречу в «Пьяной русалке». Отвратительное место.

– Чем оно тебе не понравилось? – отозвался Тильвус, ухмыляясь. – А впрочем, как скажешь... Приду в Серый Замок. Прощай, Сульг. Рад был с тобой повидаться.

Он хлопнул норлока по плечу и не спеша побрел вдоль берега.

Фелиса торопилась покинуть Серый Замок. Она шла очень быстро, низко надвинув капюшон, спрятав руки в широкие рукава синего плаща. По открытым галереям гулял ветер, обдувал нагое тело, но Фелиса не чувствовала этого: как и всякий демон, она не ощущала холода. Стуча каблучками, она сбежала по ступенькам Северного крыльца. Навстречу, не сводя с нее внимательных глаз, медленно приближались два «волка» внутренней охраны. Фелиса на ходу вынула из рукава прямоугольный кусок плотного желтого пергамента со светящейся серебряной печатью Сульга – разрешение на выход. «Волки», узнав печать, молча посторонились. Фелиса спрятала пропуск и вполголоса выругалась сквозь зубы: больше всего ей хотелось сейчас мгновенно исчезнуть, но на территории Серого Замка всякое применение магии контролировалось. Мощные заклинания, наложенные на Замок норлоков, немедленно обнаружат использование чужой магии, и первым, кто явится выяснить, в чем дело, без сомнения, будет начальник тайной стражи. Встретаться с ним после унижительного разговора с Сульгом Фелиса не желала.

Она миновала широкий внутренний двор, мощный серым мрамором, обогнула длинное здание библиотеки Замка – несмотря на поздний час, в окнах все еще горел свет – и вышла в сад. Здесь, возле неприметной калитки в стене, ей пришлось еще раз предъявить пропуск. Старый хмурый норлок со шрамом через левую щеку молча отворил дверцу и выпустил девушку на улицу.

Когда калитка захлопнулась, Фелиса вздохнула с облегчением. Самое неприятное – встреча с Великим норлоком – осталось позади. Впереди было главное удовольствие – охота. После визита в Доршату хозяин всегда разрешал немного поохотиться, тем более что уже наступила долгожданная ночь и на улицы опустилась темнота. Девушка-демон улыбнулась: она не случайно выбрала себе когда-то такое имя: «Фелиса» – «приходящая с темнотой».

Но улыбка тут же исчезла с ее лица: в памяти всплыло предупреждение Сульга. Поколебавшись, Фелиса решила начать сегодня охоту подальше от Серого Замка, на окраинах или в кварталах возле гавани. Она свернула на узкую боковую улочку, размышляя на ходу о том, какую человеческую внешность следует принять для лучшего развлечения, и довольно улыбнулась: развлечения можно было начать прямо сейчас.

Граница территории Серого Замка пролегла по улочке невидимой для людей чертой, но Фелиса прекрасно видела эту тонкую светящуюся линию. Она перешагнула ее и остановилась. Если исчезнуть вот тут, в двух шагах от границы, то вспышка чужой магии так близко от черты поднимет на ноги всю охрану Замка. Когда об этом доложат Сульгу, он, конечно, догадается, кто тому причиной, но вряд ли сможет наказать Фелису: формально в момент произнесения заклинания она будет находиться уже вне территории норлоков. Фелиса испытывала ребяческое удовольствие, представив, какой переполох начнется сейчас за высокой стеной из серого камня, но, как ни хотелось ей исчезнуть как можно скорее, она не забыла на всякий случай осмотреться по сторонам. На улице не было ни души, только бездомная собака прошмыгнула вдоль живой изгороди и нырнула в подворотню. Никто не увидит, как девушка в синем плаще растворится в наступающей ночи. Фелиса опустила руки вдоль тела, закрыла глаза, произнесла нужные слова и сосредоточилась на своих внутренних ощущениях, приоткрываясь к переходу из одного состояния в другое. И в это время словно что-то легонько толкнуло ее: совсем рядом она ощутила чужое присутствие. Фелиса распахнула глаза: в черных плащах простолюдинов перед ней стояли двое, появившиеся словно из-под земли. Она уловила еле заметную вибрацию воздуха, и под сердце пополз холодок: маги! Фелиса быстро произнесла про себя заключительную часть заклинания – оно не сработало. В панике она повторила его снова. Результат оказался тот же: она попросту не могла исчезнуть с улицы! Маги приблизились. Она попятилась, наткнулась спиной на стену и замерла.

– Фелиса, – негромко проговорил один из них. В руке, затянутой в перчатку, он держал небольшой флакон с серебристой жидкостью. – Какие сведения ты принесла Великому норлоку?

Фелиса затрепетала. Кровь единорога! Чтобы уничтожить демона, достаточно капли, а у него в руках полный флакон, хватит, чтобы истребить целое полчище.

Она не сводила глаз с флакона, пока говорила. Кровь единорога уничтожает демонов необратимо, и никому не удастся больше вернуть их к жизни. Но, может быть, этим двум понадобятся услуги демона и они...

Когда она закончила, двое в черных плащах переглянулись и один из них коротко кивнул.

– Это все? – спросил другой.

– Все, – ответила она.

– Благодарю, – спокойно проговорил он и плеснул в лицо Фелисы серебристой кровью из флакона.

Глава третья ПРОНЗАЯ ВРЕМЯ

Магистр пробежал глазами последний документ, составленный Риферсом, и кивнул. Молодой человек являл собой образец аккуратности и добросовестности – документ был оформлен безупречно.

– Неплохо, Риферс, – похвалил Магистр, убирая тонкий лист в сафьяновую папку. – Совсем неплохо. Что ж, можем вознаградить себя приятной беседой за чашкой чая или рюмкой вина. После сегодняшнего Совета это будет нелишне. Кроме того, мы можем обсудить планы на завтра. Что там у нас с утра? Что-то срочное, если не ошибаюсь?

Магистр хитрил: ничего срочного с утра не предвиделось. Но оставаться одному в просторном холодном кабинете очень не хотелось. Гораздо приятнее, когда остаток вечера проводишь с приятным собеседником. А Риферс обладал редким, на взгляд Магистра, качеством: он умел не только поддерживать беседу, но и слушать. Его глаза горели, когда он внимал рассказам о событиях, произошедших в Доршате задолго до его рождения, а вопросы, которые он задавал, свидетельствовали о наблюдательности и уме. Удовольствие, которое он так явно получал от долгих, неспешных бесед по вечерам, льстило старому Магистру. Приятно было погрузиться в волнующие воспоминания о тех временах, когда он был молод, а Доршата вела сокрушительные битвы за Побережье или устанавливала дипломатические отношения с Пятью островами. Любознательность молодого помощника нравилась Магистру, хотя он замечал, что рассказы о воинских подвигах волновали Риферса больше, чем истории дипломатических успехов Ордена. Но Магистр был мудр и прекрасно понимал: молодость гораздо больше влечет блеск стали и вихрь битв, чем тихие и незаметные победы дипломатов. Уступая просьбам Риферса, несколько вечеров подряд он рассказывал о ходе Семилетней войны, обсуждая факты, не упомянутые в летописях. К сожалению, невозможно вести разговор о битвах, не упоминая об участии в них военачальника норлоков. Магистр хотел было вовсе прекратить повествование о сражениях и всецело сосредоточиться на достижениях своего Ордена, – а их было немало за это время! – но Риферс проявил такой интерес к истории битв, так искренне восхищался мастерством рассказчика, что Магистр счел возможным – правда, весьма неохотно – поведать некоторые сведения и о войне на Взморье, в которой армии Серого Замка и Белого Дворца сражались бок о бок и после которой Сульга впервые стали звать «Великим норлоком».

– Справедливости ради скажу, что он терпеть не может, когда его так называют, – добавил Магистр кислым голосом. – И ради той же справедливости добавлю, что идея использовать верховых грифонов для атаки на конницу противника действительно принадлежит Сульгу. Никто не верил в успех этой затеи – выращивать в неволе птенцов грифонов, но... Да эту победу Доршате принесли норлоки, и Дворец это прекрасно понял. Сульг...

– Но ведь он был изгнан из Доршаты, – наивно заметил Риферс, глядя на Магистра поверх поднесенной ко рту чашки с чаем. – Это все знают. Изгнан Советом Шести. А потом тот же Совет Шести позволил ему вернуться. А в летописи всего три строчки: что он оказал важную услугу Совету. Как такое возможно?

Магистр сердито усмехнулся: ему было немного досадно, что Риферс всерьез заинтересовался такой малоприятной личностью!

– Случай, Риферс, – наставительно проговорил он. – И не один. Цепь случайностей. А из нескольких случайностей можно вывести некую закономерность.

Глаза юноши загорелись в предвкушении интересного рассказа, но он тактично промолчал, зная о неприязни, которую Магистр испытывал к военачальнику норлоков. Магистр вздохнул.

– Ну, хорошо, – проговорил он, уступая. – Еще одна история, да? Есть, конечно, те, кто поведал бы об этом лучше меня... например, Тирк или Азах... но они вряд ли будут говорить с тобой об этом. Ты знаешь, что такое «весенняя драка»?

– Ну... – Риферс наморщил лоб. – В самых общих чертах. Я же не воин. Но, говорят, конец этому безобразию положил именно Сульг?

Магистр фыркнул.

– Еще бы! Он когда-то дорого заплатился за участие в этом, как ты выразился, «безобразии».

Магистр уселся в кресле поудобнее и взглянул на своего помощника.

– Это было очень давно, как ты понимаешь... но память моя летит, пронзая время...

Магистр помнил ту весну прекрасно. Более того, он отлично помнил даже тот проклятый день. Вернее, утро. Оно выдалось чудесным, хотя и прохладным. В Доршате зацветали вишни, тонкие деревца во внутреннем дворике стояли, окутанные нежными розовыми облачками. Тихое и безмятежное утро, слишком хорошее для того, чтоб не произошло какой-нибудь неприятности. Магистр всегда ожидал от жизни неприятностей и редко обманывался в своих ожиданиях.

Он медленно проследовал в свои покои, большие, холодные и неудобные. Там царил вечный полумрак из-за большого олеандра, закрывающего половину окна темно-зеленой глянцевой листвой. Управляющий парками несколько раз порывался срубить дерево, но Магистр всякий раз запрещал ему даже думать об этом. Огромный дубовый стол был погребен под бумаги; большинство из них требовали немедленного прочтения. Магистр поглядел на документы и заколебался: браться за работу или вначале все же дожидаться неприятностей? Можно было скрасить ожидание беседой с Пиччи. Его любимица определенно собиралась вывести потомство и суежилась в своем домике даже больше обычного. При мысли о Пиччи взгляд Магистра смягчился. Кабинет его был увешан золотыми клетками в виде затейливых ажурных башенок, и маленькие желтые и зеленые птички весь день неутомимо порхали с одной жердочки на другую, услаждая слух Магистра мелодичным щебетанием. «Сахарные птички» – так называли их моряки, привозившие певуний из-за далеких морей. Они были баснословно дороги и потому щебетали лишь в самых богатых домах Доршаты. Магистр проверил, есть ли у Пиччи в фарфоровой поилке свежая вода, потом решительно уселся за стол, возле отворенного окна во внутренний двор, придвинул ближе ворох бумаг, взял в руку прекрасно очинённое коричневое перо... и замер. Сначала в самом конце подъездной аллеи раздался топот копыт, затем послышались чьи-то голоса во дворе. Хлопнула дверь, торопливые шаги по коридору направились к его покоям. Магистр удовлетворенно откинулся на спинку кресла и побарабанил пальцами по подлокотнику. Если ждать неприятностей с утра, они в конце концов тебя найдут. Не стоило и сомневаться.

В дверь осторожно стукнули.

– Входи, Фимат, – проговорил Магистр.

Фимат служил у Магистра с незапамятных времен и изучил привычки своего господина в совершенстве.

Он проник в кабинет, неслышно притворив за собой тяжелую дверь. Его гладко выбритое лицо не выражало абсолютно ничего. Казалось, если его попросят передать Магистру голову городского заместника на блюде, он внесет ее точно с таким же выражением лица. Вернее, с полным отсутствием какого бы ни было выражения. Магистру это нравилось.

– Что там? – Он бросил подозрительный взгляд на серебряный поднос в руках Фимата. На подносе лежал белоснежный конверт с изображением золотой летящей птицы. Магистр насторожился: – Из Белого Дворца?

– Только что привезли два письма, – сообщил Фимат, неслышно приближаясь к столу. – Одно приказано доставить вам.

Магистр не торопясь взял с подноса плотный конверт.

– А другое?

– Велено доставить в Северное крыло дворца, господину Наставнику воинской школы.

Магистр не сводил цепких глаз со слуги.

– Наставнику? Гм... Что произошло в городе за эту ночь? Что-то из ряда вон выходящее, если рано утром из Дворца нам присылают письма? А?

Фимат, не моргнув, выдержал испытующий взгляд.

– Думаю, вам лучше прочесть письмо, господин. Полагаю, все новости – там.

– Ага! – многозначительно проговорил Магистр, неторопливо вскрывая конверт костяным ножичком с серебряной рукоятью. – Значит, я прав? И ты, скорее всего, уже знаешь, что случилось? Ведь так?

Фимат прикрыл глаза.

– Отлично... – пробормотал Магистр и развернул лист дорогой голубоватой бумаги с золотым тиснением по краю.

Слуга еле слышно вздохнул. Он знал примерно, что может содержаться в письме из Белого Дворца, поэтому не удивился, увидев, как глаза его господина сначала стали круглыми, а потом недобро прищурились. На скулах расцвели красные пятна. Не прекращая чтения, Магистр раздраженно передвинул на столе стопку бумаги и отшвырнул попавшееся под руку перо. Тяжелая хрустальная пирамидка, которой придавливались особо важные документы, полетела на пол. Наконец Магистр дочитал письмо, уставился в окно невидящим взглядом и пробормотал сквозь зубы несколько выражений, услышав которые Фимат позволил себе многозначительно приподнять левую бровь. Магистр поднялся, едва не опрокинув кресло. Красные пятна на его щеках угасли. Он засунул конверт в рукав и стремительно вышел из кабинета, смахнув при этом кипу бумаг со стола.

Фимат дождался, пока в пустом гулком коридоре стихнут шаги господина, – даже по шагам было понятно, что Магистр вне себя от ярости, – потом, кряхтя, опустился на колени и принялся собирать разлетевшиеся по кабинету бумаги. Последним он вытащил из-под стола белый конверт с изображением летящей золотой птицы, повертел в руках, положил на стол, придавил хрустальной пирамидкой и вздохнул.

Конечно, Фимат знал, что было в том письме, которое привело его господина в такое бешенство. Из Дворца, скорее всего, сообщали о драке, обычной весенней потасовке, которая происходит в Доршате каждую весну, как раз, когда зацветают нежные розовые вишни. В последний месяц весны сразу две воинские школы выпускают своих воспитанников, и юнцы, возмнив себя взрослыми и получив право на ношение оружия, немедленно устремляются в прибрежные кабаки обмывать желанную свободу. К полуночи новоиспеченные вояки уже выпивают в кабаках все завезенное накануне пиво и готовятся перейти к завершающей части праздника – грандиозной драке, в ходе которой до рассвета они будут выяснять, чья школа является лучшей. Городские власти не один раз пытались искоренить дурацкую традицию весенних драк, отряжая в прибрежные кварталы совместные патрули норлоков и людей, но, убедившись в тщетности попыток, решили закрыть глаза на это безобразие и постараться свести последствия к минимуму. Наставники воинских школ подписали указ о том, что выпускникам запрещается носить с собой оружие в течение четырех дней после выпуска, а дежурные по казармам проверяли, чтобы мечи были оставлены в арсеналах, и в конце концов потерь удалось свести к выбитым зубам, синякам да сломанным ребрам.

Возможно, весенние драки были следствием извечного антагонизма людей и норлоков, а может быть, причину следовало искать в непомерных амбициях юнцов. К тому же наставники воинских школ, сами когда-то принимавшие участие в весенних побоищах, ждали результата

традиционной драки с затаенным любопытством, хотя вслух грозили потасовщикам самыми ужасными карами.

Фимат отыскал под креслом ножичек для очинки перьев, положил его на место и полюбовался порядком на столе. Хозяина, конечно, расстроило полученное письмо, но важные бумаги раскидывать из-за этого все же не стоило. Хотя, откровенно говоря, норлоки вчера немного погорячились.

Магистр быстро шел по коридору, встречные поспешно сторонились, видя его мрачное лицо. Возле мраморной лестницы, ведущей наверх, он повернул направо и очутился на Воинской половине. Целый ряд огромных гобеленов украшал стены длинного широкого коридора. Некоторые были вытканы совсем недавно и блистали яркими сочными красками, другие были настолько древними, что приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть изображение. На гобеленах красовались гербы давно исчезнувших государств, драконы, знаменитое оружие и битвы, в которых довелось когда-либо принимать участие норлокам.

На Воинской половине находились скромные покои Наставника школы. Магистр секунду помедлил перед дверью: боролся с огромным искушением, открыть ее пинком, но в последнюю минуту ему удалось себя сдержать. Он коротко стукнул в темную, украшенную резьбой дверь и, не дожидаясь разрешения, вошел.

Наставник сидел у горящего камина, укутанный, несмотря на теплый день, в лохматую серую шубу, и читал письмо. На ковре, рядом с креслом, валялся белый конверт с тисненой золотой птицей. Услышав стук, Наставник поднял голову.

Мгновение Магистр молча глядел в его выцветшие глаза. Они с Наставником знали друг друга очень давно, но никогда не были особенно дружны Их отношения, скорее всего, можно было назвать плодотворным сотрудничеством. Политические интриги, которые искусно плел Магистр, укрепляя в Доршате положение норлоков, всегда опирались на поддержку Наставника, за которым стояли его воины. Был еще Советник по финансам, хитрый и осторожный, который, заручившись поддержкой пяти богатейших семейств норлоков, умело манипулировал Советом Шести на протяжении многих лет. Втроем им удавалось добиваться многого.

Но все это было в прошлом. Советник завершил свой земной путь – интересно, чем он занимается в Долине Серой реки? Магистр ни минуты не сомневался: тем же, чем здесь, – интригует, искусно создает проблемы другим и сам же их разрешает, делая вид, что прилагает к разрешению неимоверные усилия.

Наставник... Сейчас, при беспощадном свете весеннего солнца, особенно заметны были запавшие виски, глубокие морщины, нездоровый цвет лица и усталые глаза: старого воина пожирала страшная болезнь.

Окна в покоях были распахнуты настежь: Наставник, как и Магистр, происходил из восточных норлоков, и в Доршате, этой северной стране, ему не хватало солнца.

Магистр перевел взгляд на конверт – улегшееся было раздражение мгновенно вновь овладело им. Он вытащил из рукава бумажный лист и скомкал его, чувствуя, как от ярости холодеют руки.

– Вижу, ты уже знаешь, – промолвил Наставник, глядя на него снизу вверх.

– Знаю, – коротко ответил Магистр, опускаясь в кресло. Сдержанность давалась ему нелегко. – Ну и что ты на это скажешь? – Он кивнул на исписанный острым, колючим почерком лист. – Славно порезвились вчера твои воспитанники?!

Наставник прикусил губу.

– Я разберусь в том, что произошло. Нужно выяснить...

– Да уж придется! – рявкнул Магистр, не дослушав. Он вскочил, сделал несколько шагов по комнате, отшвырнув в сторону маленькую скамеечку, попавшуюся ему под ноги, потом остановился напротив Наставника.

– Если я не ошибаюсь, выпускникам школы запрещено брать оружие в этот проклятый кабак?! – прорычал он, сверля глазами собеседника. – И во все другие – тоже?!

Наставник вздохнул, кутаясь в шубу. В последнее время ему всегда было зябко.

– Избавь меня от дурацких вопросов, – попросил он. – Ты все знаешь не хуже меня. По традиции выпускники школ – и норлоки, и люди – не берут с собой мечей.

– Не берут мечей! – Магистр схватил со стола бумагу и потряс перед лицом Наставника. – Не берут мечей! А это что?! Пять трупов после весенней драки! Пять! Неслыханное дело! Город бурлит! И двое из убитых – племянники Наместника! Лучше не придумаешь, а? И сделали это твои безоружные норлоки!

Наставник поморщился: громкий голос Магистра бил по ушам, болезненно отдавался в голове.

– Уже проводят дознание, – осторожно проговорил он. – Выясняем, как вообще все это произошло...

– Негодяи, проклятые ублюдки! – продолжал бушевать Магистр, не слушая его. – И именно сейчас! Трудно выбрать более неподходящий момент! Через четыре дня – Совет Шести! Мы с представителями Торгового клана готовим поправки к Морскому кодексу и надеемся наконец добиться компромисса... Нельзя допустить, чтобы вся морская торговля была сосредоточена в Палате общин Белого Дворца...

Он вдруг замолчал и проницательно глянул на Наставника.

– А ты ведь узнал это раньше, а? До того, как прибыло письмо из Дворца? Конечно! Кто-то из проклятых щенков сразу же тебе доложил! Ну, – зловеще произнес он, остановившись напротив кресла Наставника и скрещивая руки на груди. – И как было дело? С их точки зрения, конечно?

– Ничего особенного... обычная потасовка... – не охотно ответил тот, отводя глаза. – наших просто оказалось меньше, вот и все... людей – больше. Кстати, их выпуск мечников в этом году... весьма неплох... отличные бойцы. Они стали теснить норлоков...

– А в ответ норлоки взялись за ножи! – закричал Магистр, снова потрясая письмом перед лицом Наставника. – И устроили резню, вместо того, чтобы смыться оттуда подобру-поздорову! Конечно, бежать с поля боя, даже если поле боя находится в грязном портовом кабаке, – позор для воина! – с ядовитым сарказмом бросил он. – А зарезать пятерых практически безоружных – это доблестный поступок, что и говорить.

Наставник подавил вздох.

– Ну вот что. – Магистр прошелся по кабинету и мельком глянул в окно. – Письмо ты читал... положение дел тебе известно: Наместник в ярости. Он требует, чтобы убийцы были выданы городу. Они сами собираются судить их.

– Что?! – переспросил Наставник. Глаза его мгновенно сделались жесткими и холодными, словно льдинки. – Выдать моих выпускников на суд людей?!

Магистр раздраженно дернул плечом.

– По крайней мере двоих из них, – неохотно сказал он. – Зачинщика драки и того, кто убил племянников Наместника.

Наставник на мгновение замялся. Магистр взглянул на него с подозрением.

– Не хочешь ли ты сказать, – медленно начал он, понизив голос и не спуская глаз с Наставника, – что зачинщик и убийца – одно и то же лицо?

Тот, не глядя на него, молча приподнял одну бровь.

– Отлично, – сквозь зубы пробормотал Магистр и невидящим взором уставился в окно. – Отлично. Догадываюсь, кто это. Он чувствует свою безнаказанность, не так ли? Напрасно.

Наставник хотел было что-то возразить, но Магистр вытянул в его направлении указательный палец и заговорил:

– Не буду говорить тебе то, что ты прекрасно знаешь и сам. Ты знаешь, как сложно поддерживать хотя бы видимость мира между людьми и норлоками в Доршате, правда? Нам не нужна сейчас гражданская война. Хватит. Мы должны воздерживаться от открытых конфликтов любой ценой... пока. Я знаю, наступит время, когда норлоки будут диктовать свою волю Совету Шести. Когда Доршата будет под нашим контролем. Но пока...

Наставник рассеянно кивнул. Он глядел в огонь, но Магистр знал, что тот слышит каждое слово.

– Мы не можем сделать вид, что ничего не произошло. Ты не хуже меня помнишь историю Доршаты: из-за гораздо меньших причин вспыхивали войны. Наместник требует выдать убийцу. – Магистр повысил голос: – И он совершенно прав.

Он сделал паузу, ожидая возражений, но Наставник молчал.

– Твои норлоки виноваты сами. Они затеяли драку – раз! – Он загнул палец для пущей убедительности. – Они устроили поножовщину – два! Они убили пятерых – три!

– Стоит уступить один раз, – произнес Наставник сквозь зубы, стискивая подлокотники кресла, – и люди решат, что они вправе вершить суд над норлоками.

– Конечно, – подчеркнуто спокойным голосом сказал Магистр, – Это и произойдет, если мы примемся убивать их в открытую! – Он снова скрестил руки на груди. – Мир Доршаты превыше всего! – напомнил он. – Убийцу повесят на центральной площади, как заведено у людей. На их половине города, разумеется. Замечательная казнь для норлока, а?

Наставник зарычал:

– Этого еще не хватало! Скажи, что мы сами казним его.

– Они потребуют показать тело. – Магистр уселся в жесткое, неудобное кресло и побарабанил пальцами по поручню.

– Никогда прежде не бывало, чтобы норлока судили люди, – упрямо проговорил Наставник.

– Никогда прежде не бывало, чтобы норлоки оставляли за собой пять трупов после весенней драки! – огрызнулся Магистр и поднялся, сделав по кабинету несколько шагов. – Крайне нелегко будет это все уладить. И все из-за того, что одному самонадеянному мальчишке кажется, что если за его спиной стоит Фиренц, то ему все сойдет с рук.

– Хочешь поссориться с драконом? – тихо осведомился Наставник, внимательно глядя на Магистра.

– Нет, – отрезал тот. – Но с людьми ссориться тоже не хочу.

Наставник промолчал. Он понимал, что Магистру предстоит проявить чудеса дипломатии, чтобы уладить последствия весенней драки.

– Именно, – хмуро подтвердил тот, догадавшись о его мыслях. – Эту весну мы надолго запомним... Да... сложно жить в мире со всеми... но придется...

Он вздохнул и поглядел на старого воина.

– Как ты себя чувствуешь?

Тот отвел глаза:

– Бывало и получше. Но сейчас не об этом. Послушай... Я знаю, ребята совершили большую глупость. – Наставник неискусно сделал вид, что осуждает своих выпускников. Магистр покосился на него, но промолчал. – Но надо бы поразмыслить, как уберечь их головы, а?

– Не собираюсь думать над этим. Считаешь, у меня нет других дел, кроме как заботиться о твоих придурках? – сердито пробормотал Магистр и сел в кресло.

Солнце уже довольно высоко стояло в небе, когда Магистр покинул наконец покой Наставника. Он вернулся в свой холодный и сумрачный кабинет, прошелся несколько раз взад-вперед, обдумывая предстоящий визит во Дворец и крайне неприятный разговор с Наместником, окинул рассеянным взглядом собственную комнату и неожиданно замер. Опять! Прямо

напротив его рабочего стола возвышалась хрупкая этажерка черного дерева, сверх всякой меры изукрашенная замысловатой резьбой. На этажерке красовалась огромная фарфоровая ваза темно-синего цвета, разрисованная жирными золотыми рыбками, резвящимися среди серебряных водорослей. И ваза, и этажерка были преподнесены в дар Кланом торговли, причем хитрые купцы обставили дело так, что отказаться от подарка оказалось совершенно невозможным. Ваза, до смешного неуместная в строгом кабинете Магистра, выглядела поистине чудовищно. Каждый раз, когда взгляд его падал на подарок, Магистр с досадой фыркал: безобразный горшок из драгоценного заморского фарфора оскорблял его эстетическое чувство. Несколько раз, выведенный из себя уродством подарка, он собственноручно задвигал этажерку вместе с вазой за портьеру, но Фимат, имеющий свои представления о том, как должен выглядеть кабинет его господина, и питавший слабость к помпезным украшениям, неизменно обнаруживал пропажу и водворял этажерку на прежнее место.

Магистр в раздражении уставился на проклятую вазу, словно ожидая, что она разлетится от его взгляда на тысячи осколков, и, бормоча ругательства, рывком задвинул этажерку за шкаф.

Потом он покосился на стол, где, придавленный сверкающей пирамидкой лежал белый конверт с изображением золотой птицы, перешел в другую комнату, приблизился к окну и чуть отодвинул тяжелую зеленую портьеру.

Окно выходило в небольшой внутренний дворик с двумя каменными скамьями под цветущими олеандрами у овального бассейна, куда изливал журчащие струи маленький фонтан. В глубине дворика, возле чаши фонтана, прислонившись плечом к серой мраморной колонне, стоял Сульг, оживленно болтая с кем-то и смеясь. По его безмятежному лицу было совершенно ясно, что проклятый щенок уже забыл о ночном происшествии как о чем-то малозначительном. Магистр мстительно прищурил глаза: вся прыть с юнца мигом слетит, когда он узнает, с какой яростью Дворец требует его казни! Машинально Магистр сделал зарубку в памяти: посоветовать Наставнику на следующий год как можно скорее отправить выпускников школы к местам службы. Обычно они еще с неделю болтались в Доршате, ища приключений на свою голову, и только после этого наконец-то разъезжались кто куда. В столице обычно оставались лишь те, чьи небедные родители покупали теплые местечки в страже Замка или городском гарнизоне. Однако Сульг к числу «золотой молодежи» не относился.

Собеседник норлока, высокий и светловолосый, улыбался, слушая оживленную болтовню мальчишки, зеленые глаза его искрились смехом. Под темно-зеленым плащом виднелась кольчуга, и он, несмотря на Указ, запрещающий в Сером Замке носить оружие всем, кроме охраны, был вооружен: за плечом виднелись оплетенные кожаным шнуром рукояти двух мечей. Желаящих потребовать от него, согласно Указу, сдать оружие, почему-то никогда не находилось. Некоторое время Магистр пристально наблюдал за ним, потом вздохнул. Вот она, главная причина того, что Сульга невозможно было наказать так, как он того заслужил, – Фиренц.

«Ссориться с Наместником неприятно, – думал Магистр, глядя, как засмеялся светловолосый на слова Сульга. – Но ссориться с драконом не только неприятно, но и опасно».

С тех пор как Доршате удалось мирным путем уладить с драконами территориальные проблемы, Совет Шести не уставал возносить богам благодарственные молитвы. Отныне раз в год Фиренц удостаивал своим посещением расширенный Совет, вполне доброжелательно обсуждая с людьми и норлоками накопившиеся проблемы. Представители Кланов, упивавшиеся собственной значимостью, любили решать вопросы обстоятельно и неторопливо, однако присутствие на Совете дракона делало их выступления предельно краткими, и заседание заканчивалось с необыкновенной быстротой. Советники обливались холодным потом, поглядывали на Фиренца с тайным ужасом, словно ожидая, что он вот-вот явит собравшимся истинное обличье.

«С такими соседями благоразумнее жить в мире, – хмуро размышлял Магистр. – А с некоторым дискомфортом членов Совета можно и смириться». Магистр доверял Фиренцу – до известной степени, хотя его дружелюбие никого не вводило в заблуждение. Соседи Доршаты были опасными и непредсказуемыми существами, но пока что Фиренц прекрасно умел держать в узде своих самых непокорных драконов. Приглядевшись, Магистр заметил еще одного участника беседы и недовольно хмыкнул: «Конечно! Давний и близкий друг Фиренца, эльф Тисс, тоже прибыл, чтобы поздравить Сульга с окончанием школы». Осторожный, вкрадчивый и скрытный, он всегда держался в тени, и Магистр, хоть и считал не без самодовольства, что неплохо знал эльфов, никогда не мог поручиться, что у того на уме.

Магистр с досадой покусал губы. Немудрено, что, имея за спиной такую поддержку, мальчишка обнаглел окончательно и решил, что ему дозволено решительно все. Впервые увидев его разговаривающим с Фиренцем, Магистр сначала потерял дар речи, а потом сердито поинтересовался у своего слуги, как могло произойти такое, что нахал, заговоривший с драконом, как с равным, до сих пор еще жив? Прекрасно осведомленный обо всех новостях Замка Фимат, опустив глаза, пояснил тихим голосом, что норлока зовут Сульг и он поступил в школу в прошлом году. Вчера он проиграл в казармах какой-то дурацкий спор, – мальчишки всегда спорят и подначивают друг друга, понятно, что происходит это не от большого ума – а спорили они на то, что проигравший должен будет заговорить с драконом. И вот теперь он говорит с Фиренцем уже битый час и, как ни странно, до сих пор еще жив.

Спорить на подобное было опасным безрассудством, но Фиренца дерзость молодого норлока, похоже, лишь позабавила. Даже Тисс усмехнулся, что бывало с ним нечасто.

После этого их троих часто можно было видеть на пустынном берегу моря на окраине Доршаты. А Магистр, когда ему хотелось испортить настроение самому себе, погружался в мрачные раздумья о том, к каким неприятным последствиям может привести такая дружба.

Магистр задвинул портьеру, подошел к клетке, подсыпал семян в кормушку и поправил бронзовые колокольчики – стоило им зазвенеть, как «сахарные птички» начинали щебетать. Потом, подумав, снял клетку, перевесил ее ближе к окну и полюбовался своими любимицами: точно солнечные зайчики, заключенные в ажурный золотой дом! Убедившись в том, что птичкам, без сомнения, нравится наблюдать за тем, что происходит во дворе, он тронул молоточком медную фигурку грифона на столе.

Появился Фимат. Он мгновенно заметил в кабинете отсутствие этажерки с вазой и поднял на своего господина глаза, полные укоризны. Магистр ответил ему злорадным взглядом. Не было сомнений, что как только он покинет кабинет хоть на минуту, Фимат тотчас же вернет проклятую вазу на место. Но оставалась надежда, что хотя бы несколько часов удастся провести без этого сине-золотого кошмара перед глазами.

– Распорядись, чтобы, как только Сульг появится в казармах, его сразу доставили ко мне. Слуга молча поклонился, глаза его блеснули.

Магистр подавил вздох. Сомнений нет: вчерашнее происшествие уже ни для кого не секрет и, конечно, во всех подробностях бурно обсуждается не только в Замке и Дворце, но и во всей Доршате. И все ждут: что предпримут люди и как отреагируют на это норлоки. Проклятье! Перед самым заседанием Совета Шести! Плакали теперь поправки к Морскому кодексу!

Он проводил слугу хмурым взглядом, уселся за стол и развернул бумаги.

Сульг не объявился ни днем, ни вечером. Магистр пришел в состояние холодного бешенства. За это время он успел два раза поругаться с заместителями Наставника, которые упрямо твердили, что о наказании выпускнику школы должен будет объявить именно Наставник, а не Магистр. Магистр понимал это не хуже их, но все еще находился под впечатлением от унижайшего разговора с Наместником и жаждал лично объявить щенку, что его ждет. И посмотреть при этом на его лицо. Без сомнения, воспоминание об этом несколько сгладит впе-

чатление от визита во Дворец. Белый лист, предназначенный для письма Наместнику, лежал на столе незаполненным и требовал немедленного ответа. Несколько раз Магистр порывался отдать приказ отыскать в городе Сульга и доставить в Серый Замок. Но благоразумие всякий раз брало верх, и он напоминал себе, что Фиренц, вне всякого сомнения, еще находится в Доршате. Не стоило вызывать его неудовольствие.

Утро следующего дня выдалось серым. На рассвете низкое небо пролилось дождем. Мелкий дождик, ровный и сильный, шелестел по кустам, по цветущим олеантрам, барабанил по каменным скамейкам во двореке. Вода в бассейне казалась свинцовой. Канарейки прыгали с одной жердочки на другую и не желали петь. Проклятая этажерка с уродливой вазой красовалась на своем месте – прямо напротив стола Магистра.

Неслышно вошел Фимат:

– Сульг доставлен.

Магистр уставился на молодого норлока колючими, серыми глазами и держал взгляд до тех пор, пока тот не начал нервничать. Усмешка, притаившаяся в уголках губ, исчезла, и Сульг беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Вы приказали явиться... – неловко начал он.

– Заткнись, – сквозь зубы приказал Магистр, мгновенно приходя в крайнее раздражение. Он потянулся было к пачке бумаги на столе, но тут же оттолкнул ее в сторону. – За твою недавнюю выходку, негодяй, нам следовало бы сделать так, как просит Белый Дворец. А там горят желанием повесить тебя на главной площади в своей части города. Ты подверг опасности мир в Доршате, виселица – самое малое, чего ты заслуживаешь! Самонадеянный ублюдок! Я был за то, чтобы выдать тебя людям, – хочу, чтоб ты знал об этом. Я лично обратился бы к Наместнику с просьбой, чтобы тебя выдрали хорошенько на главной площади, прежде чем повесить.

Сульг открыл рот и тут же закрыл его, крепко сцепив зубы. На скулах перекатились желваки.

– Ты понятия не имеешь о чести норлока, – продолжил Магистр так же негромко, сдерживая ярость. – Неужели ваш Наставник учил вас нападать на безоружных? Убивать тех, кто не может защититься?

Он помолчал секунду, не сводя взгляда с норлока: тот молчал, но глаза его подозрительно блестели.

– Наместник требует твоей смерти. Но, надеюсь, ты скоро сам найдешь ее – для тебя это будет самым лучшим выходом. – Магистр снова сделал паузу, пытаясь побороть сильнейшее желание собственноручно отвесить пару оплеух этому зарвавшемуся идиоту.

– Ты изгнан с нашей земли, Сульг. Совет Шести решил: таким, как ты, не место среди нас. Ты покинешь Доршату в течение двух часов. Если по истечении этого срока будешь замечен в городе, имей в виду: патрулям будет отдан приказ немедленно уничтожить тебя. Любым патрулям, – подчеркнул он. – И норлокам, и людям. Два дня тебе дают, чтобы ты исчез из страны, – продолжал он, заметив злость, вспыхнувшую в глазах Сульга. – И если когда-нибудь пересечешь границы – будешь убит, как собака.

Он помолчал мгновение – молчание было тяжелым, словно могильная плита, – и добавил:

– Твое изгнание – бессрочно. Все. Убирайся отсюда и считай, что легко отделался. Нам стоило большого труда убедить Наместника заменить твою казнь изгнанием.

Сульг не двинулся с места. Он молча смотрел на Магистра, и тот с удовлетворением понял, что утренние надежды оправдались: это выражение лица как нельзя лучше скрасит тяжелое впечатление от долгого, унижительного разговора с Наместником.

– Пошел вон, – тихо проговорил Магистр. – Если через два часа я увижу тебя в Доршате, то прирежу собственными руками с большим удовольствием. Так же, как ты зарезал в трактире безоружных людей.

Сулыг машинально глянул на его руки, крупные, с крепкими узловатыми пальцами, припомнил, как Наставник рассказывал как-то, что в молодости Магистр считался одним из лучших мечников Доршаты, и вышел.

Наставник полулежал в постели, на высоко взбитых подушках. В последнее время в дождливую погоду у него сильно, до тошноты, болела голова. Эта боль каким-то образом была связана с болезнью, которая давно поселилась внутри и жила там, словно обнаглевшая, уверенная в своей безнаказанности крыса, неторопливо выжирая внутренности, никуда не спеша и никого не опасаясь. Иногда в бессонные ночные часы Наставнику казалось, что он слышит ее неторопливое чавканье. Два раза в год эльфы Тисса готовили для него лекарство, и, появляясь в Доршате, он никогда не забывал передать Наставнику небольшой флакон темного стекла с зеленой, сильно пахнущей жидкостью. Иногда флакон доставлял в Серый Замок кто-нибудь из молчаливых соплеменников Тисса. Снадобье предписывалось принимать на рассвете, начиная с одной капли с момента восхода и заканчивая десятью каплями к тому моменту, когда солнце полностью появлялось из-за гор. Эльфийское зелье приносило облегчение, но со временем перерывы между приемами лекарства становились все короче. Наставник прекрасно знал, что оно только замедляет развитие болезни, но не спасает от нее. Старый воин не очень боялся смерти: неприятна была мысль о физической немощи, которой, без сомнения, рано или поздно наградит его болезнь, а также завершающая фаза этой проклятой хвори. Несколько раз Наставнику доводилось видеть, как умирали от нее люди. Даже самые стойкие из них последние несколько дней перед смертью кричали от боли не переставая. Норлоки были не так чувствительны к ней, но искушать судьбу не следовало. Когда в очередной раз от Тисса явился посланец, Наставник потолковал с ним, и тот пальцем отметил на флаконе дозу, которая быстро и безболезненно избавляет несчастного от мучений. «Не то чтобы хотелось торопить события, – устало размышлял Наставник, – но позаботиться обо всем следовало заранее». Он капнул в стакан с водой последнюю на сегодня, десятую каплю – вода мгновенно стала темно-зеленой, потом снова прозрачной, – морщась, выпил лекарство, спрятал флакон под подушкой и принялся поджидать Магистра. Тот не торопился, и норлок погрузился в невеселые раздумья: в последнее время он постоянно думал о том, кому придется заменить его и стать следующим Наставником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.